

ЕЛЕНА СУШКЕВИЧ

АПОСТОЛ
ДЛЯ
РАФАЭЛЯ

Елена Сушкевич
Апостол для Рафаэля. И
не введи нас в искушение?!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27344768

ISBN 9785448590078

Аннотация

Почему мы так любим фильмы и книги ужасов? Не потому ли, что это отвечает тёмной стороне человеческой природы? А вот откуда черпают вдохновение писатели, сочиняющие то, от чего у нас перехватывает дыхание, а по телу начинают ползать мурашки? Рядовой литератор, сочиняющий на потребу массовому вкусу, вдруг становится невероятно популярным и баснословно богатым. Но какова цена столь блистательного успеха? И кем может оказаться редактор загадочного издательства «Забулус»?

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	32
Глава третья	51
Глава четвёртая	69
Глава пятая	87
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Апостол для Рафаэля И не введи нас в искушение?!

Елена Сушкевич

Дизайнер обложки Ольга Третьякова

© Елена Сушкевич, 2019

© Ольга Третьякова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4485-9007-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
«Писатели, те, кого уже нет, и те, кто ещё с нами. Вы разные, но вас объединяет одно общее звено – читатель. Будучи им, я полюбила Вас навсегда. Эта книга- моё посвящение созданным вами мирам и некоторым из персонажей, обитающим в них».

Я успешный писатель. Мои книги продаются миллионными тиражами во всём мире и то, что заставляет читателей покупать их, это страх. Он нужен им в их серой обыденности, рутине и монотонности, усыпляющей чувства и отупляющей разум. Вечера, проведённые перед телевизором, настроен-

ным чаще всего на один из ведущих каналов, по которому идёт очередное Live show или реалити-шоу, в семейном кругу заканчиваются обсуждением ошибок, совершённых героями, или вариациями на тему «а как бы это сделал я». Чужие эмоции, испытанные сторонними участниками данных телевизионных проектов, заменяют им их собственные, которых, по сути, у них очень мало, и когда им нужно действительно испугаться, на помощь прихожу Я, вонзая в них свои ледяные когти и не отпуская читателя до последней страницы. Некоторые предпочитают читать мои книги на ночь, но мне всё равно, ночь или день, они мои жертвы и я их ненавижу. Ненавижу всем сердцем и душой, и моя ненависть выливается в неожиданных и жёстких сюжетах. Я высмеиваю людские пороки и слабости характера, пытаюсь найти хоть одного человека, который выделится из массы, но пока он мне не повстречался.

Начав творить на пишущей машинке в начале 80-х годов, я перешел на последнюю модель ноутбука в 2012 году, но до сих пор моё первое орудие труда стоит на столе из массивного дерева, подаренного моей женой, и напоминает о начале всего этого.

Вам, возможно, будет интересно – о начале чего? При наличии за спиной нескольких десятилетий писательского опыта бывает нелегко описать свои чувства, и главное, кому? Той массе, которую я презираю, или тому одному, кому адресован этот необычный роман, нет, не роман, а посла-

ние. Вы можете расценить его как из ряда вон выходящий, вас может расстроить, что в нём нет того привычного набора ингредиентов, позволяющих готовить салат ужастиков «с перчинкой», к вкусу которого вы так привыкли. На который у вас выработался рефлекс, и вы покупаете очередную мою книгу, предвкушая то чувство страха и неуверенности в себе, которое могу дать только я. Выглядит забавно, но мне это напоминает дрессировку собаки: если с завидной регулярностью кидать ей вкусную мозговую кость, через неделю она не захочет есть ничего другого, кроме этой кости.

Ну что, моя огромная «стая почитателей», выхода у меня нет и всего лишь один из вас поймёт, что он должен сделать, перелистнув последнюю страницу этой книги.

Глава первая

Очередной чек с гонораром за мой последний роман пришёл без опозданий и Лиза, выполнявшая обязанности секретарши в рабочее время, а вне его являясь моей женой вот уже 25 лет, не замедлила отправить его в банк. Книга продавалась хорошо, загадочное название и внушительный вес в размере нескольких сотен страниц сделали своё дело, читатели, с нетерпением ждавшие её выхода, удовлетворенно пожирали главу за главой, поддаваясь всё нарастающему страху, предвкушая непредвиденную развязку, и они получили то, что хотели.

Для меня же это стало началом долгожданных каникул после нескольких месяцев жизни в шкуре главного героя романа. Наш совместный отпуск Лиза всегда планировала сама, мои пожелания учитывались не часто, особенно когда наши дети были маленькими. Теперь старший учится в МГУ на последнем курсе факультета международного права, а моя дочь в прошлом году вышла замуж, чем глубоко расстроила Лизу, которая считала, что 19 лет – это неудачный возраст для заключения брака. Как и большинство матерей, она предпочла бы, чтобы София получила высшее образование, заняла хороший пост в одной из многочисленных компаний или холдинге, где служащие сведены к размеру и функциональности шурупа, где директор напоминает жёсткий диск

компьютера. Только даже в самые защищённые компьютеры попадают вирусы, и тогда заражается целая сеть, компании падают как карточные домики, пока кто-то, у кого жёсткий диск превышает размер своего соперника, объединяет все файлы в одно большое досье, и работа тысячи шурупов, оболочек, программ начинается заново, пока будет существовать знак бесконечности.

Хотя зачем я вам обо всём этом рассказываю, коммерческие стороны нашей жизни мало интересуют моих читателей, заранее прошу извинить меня за это тривиальное отступление. Что касается меня, я был спокоен за будущее моих детей, поскольку и Олег, и София имели хорошо упитанные счета в швейцарских банках и на капризы Лизы по поводу получения Софией коммерческого высшего образования я смотрел сквозь пальцы, как и сама София, которая начинала свои первые шаги в мире моды. С детства она шила платья для своих многочисленных кукол Барби, и меня даже не удивило, что она предпочла профессию стилиста профессии коммерческого директора.

Больше я забочусь об Олеге, у него бывают приступы эпилепсии, первый приступ случился, когда ему было 5 лет. Он играл в песочнице со своими друзьями, я, как и другие родители, сидел на лавке напротив и лениво наблюдал за ним, поглядывая на часы и думая, когда же закончится эта чёртова прогулка, потому что нужно было срочно переделать две первые главы моего шестого на тот момент романа. Ну, вы

знаете это чувство, когда хочется сбежать от своего ребёнка или дать ему хорошую затрещину, когда он ноет: «Ну папа, ещё чуть-чуть». Но вы не можете этого сделать, потому что окружены стайкой пустоголовых мамаш, обсуждающих, сколько раз их малыш сходил в туалет, сколько раз трахнул муж, сколько стоит тот или иной продукт в магазине. Один из самых частых вопросов – СКОЛЬКО?

Сколько времени мне осталось, чтобы дописать роман и освободиться от того бремени, что я ношу в себе...

Так вот, тучи постепенно заволакивали небо, я сказал Олегу, что нужно собираться домой, а то попадём под дождь, на что мой сын, повернувшись ко мне, как всегда ответил «нет», я решительно встал, чтобы увести его силой, и тут он опять оглянулся на меня и каким-то странным голосом сказал:

– Не трогай меня.

Он широко улыбнулся и показал мне язык, и как только я протянул руку, чтобы схватить его за плечо, разряд молнии разрезал небо пополам, первые тяжёлые дождевые капли начали падать, прибывая дорожную пыль. Олег вдруг начал истерически хохотать, а потом упал лицом в песок. Я быстро запрыгнул в песочницу и схватил его на руки. Когда я увидел его, моим первым рефлексом было оттолкнуть его от себя, это был не мой ребёнок: зрачки расширены, гримаса клоуна, улыбающегося во все зубы, застыла на его лице, слюна обильной пеной выделялась изо рта. От летних шор-

тиков пахло мочой. Мамаши испуганно начали собирать своих детей, убегая от дождя и от того, что случилось с моим сыном. Но, как известно, любопытство пересиливает страх, и, поспешно покидая песочницу, ни одна не преминула бросить быстрый, скользящий, как змея, взгляд на моего беспомощного сына, бьющегося в судорогах, и на меня, растерянно державшего его на руках и молящего только об одном:

– Олежек, дыши, дыши, мой хороший, – бессмысленно повторял я, не зная, что делать. Паническое чувство страха охватило меня, да, да, меня, пишущего про страх и ужас того, что окружает нас. Дождь усиливался, мне пришлось бежать до нашего подъезда, который в хорошую погоду и при других обстоятельствах был не так уж и далёк, но теперь, казалось, что он на недосягаемом расстоянии.

Судороги сотрясали тело Олега одна сильнее другой, глаза закатились так, что видны были белки глазных яблок, помимо дождя пошёл град, он больно ударял по голове, плечам, спине. Согнувшись почти вдвое и прижав сына как можно плотнее к себе, я ускорил бег, но тут маленькое хрупкое тельце Олега выгнулось струной, как будто неведомая сила испытывала его на прочность. Удерживая малыша на руках, я попытался придать ему полусидячее положение, но тут Олежек опять резко выпрямился, глаза перестали закатываться, и взгляд стал осмысленным.

– Ты передашь ЭТО, – прошептал он и, сотрясаемый очередной судорогой, перевернувшись рыбкой из моих рук,

упал на асфальт. Я никогда не забуду тот глухой звук, который произвела его голова, ударяясь о край разбитого и вечно забытого дорожными службами бордюра тротуара. Кровь хлынула ручьём, смешиваясь с грязью и дождевой водой, стекавшими в сточные воды.

Словно во сне, первые несколько секунд я тупо наблюдал, как мой сын лежит на краю дороги, истекая кровью, и в какой-то момент мне стало понятно, почему я сразу ничего не предпринял. Олега больше не били судороги. Тельце шестилетнего ребенка было расслаблено, глаза широко раскрыты, взгляд устремлён прямо перед собой, но то был невидящий взгляд. «Он мёртв», – пронеслось в голове, и уверенность в этом укреплялась с каждой, невероятно долгой, секундой. «И это Ты убил его, Ты не смог его удержать. Что ты скажешь Лизе, когда она спросит про своего обожаемого сынишку?»

Чувства вины, страха, растерянности сменялись одно за другим, создавая жуткий карнавал масок, каждую из которых я ненадолго выбирал, но ни за одной не смог спрятаться.

– Вам помочь? – раздался голос откуда-то издалека.

Ничего не ответив, я продолжал смотреть на своего сына, которого *убил* собственными руками. Капли дождя стекали по моему лицу, но и они смешивались с чем-то горячим и солёным, попадавшим в мой полуоткрытый от ужаса рот, и только сейчас я понял, что плакал. Первый раз в жизни. И тут я заметил остановившуюся рядом с нами машину, она

просто не могла дальше продолжать свой путь, ибо переехала бы Олега, лежавшего на дороге, у бордюра тротуара.

– Что случилось? – спокойно произнес низкий, достаточно хриплый мужской голос, тем самым выводя меня из оцепенения.

– Олег! – закричал я и, резко опустившись на колени, опять подхватил безжизненное на этот раз тело на руки.

– Вам нужно в больницу, и чем скорее, тем лучше, – опять произнёс голос. – Садитесь в мою машину, нам недолго ехать.

Как робот, подчиняясь его указанию, я попытался сесть в машину, но с ребёнком на руках это было не так-то просто сделать, и незнакомец осторожно протянул руки, как бы приглашая передать Олега ему, пока я сам сяду в автомобиль, что я и сделал.

– Не забудьте пристегнуться, – заботливо напомнил незнакомец, но, поскольку я находился в состоянии стресса или... помешательства, несколько минут мои дрожащие от страха руки не могли совладать с ремнём. Когда наконец это было сделано, тот, кто хотел нам помочь, осторожно передал моего маленького, залитого кровью и грязью, Олежку.

Почему я не описываю его внешность? Потому что когда внутри вас пульсирует всего-навсего одна эмоция, и эта эмоция страх, вы бы не заметили даже королеву Англии, явись она перед вами. В какой-то момент разум покинул меня, я думаю, это случилось, когда Олежек упал из моих

рук, а потом я словно сторонний наблюдатель участвовал во всём этом, вот тогда-то часть моего существа, отвечающая за разумное мышление, спряталась. Спряталась где-то очень далеко, потому что даже сейчас, вспоминая и заново переживая случившееся 20 лет назад, память не даёт мне ответа. Файл утерян. Хотя как были бы счастливы Google и Facebook, и прочие торговцы информацией о твоих друзьях, также иметь в своих базах данных твои самые сокровенные мысли, чувства, эмоции, они были бы заархивированы в миллионах досье, принося несметные прибыли владельцам таких баз и помогая тем, кто забылся в тот или иной момент. Как я.

– Перестаньте плакать, этим вы расстроите вашего сына, – внезапно окликнул меня незнакомец.

– Он жив?

Это была первая фраза, произнесённая мной за то время, пока ужас сделал меня беспомощным наблюдателем, и язык, присохший к нёбу, не сразу захотел послушаться.

– Конечно, просто нужно как можно быстрее отвезти его в больницу, чтобы он не пострадал от большой кровопотери, но я уверен, мальчик будет жить, и будет долго жить.

Тут я впервые взглянул на того, который каким-то чудом оживил нашего с Лизой сына и подарил мне надежду. Она – надежда – спасает кого угодно! Эта положительно окрашенная эмоция, связанная с ожидание чуда, пусть даже не всегда сбывающегося, дарит в этом ожидании замечательное ощу-

щение комфорта и иллюзии, что всё будет хорошо. Именно это исходило от незнакомца, хотя внешность не соответствовала типу супергероя, спасающего ребёнка от беспамятства своего папаши.

Худощавый, можно даже сказать скелетичный, высокого роста, цвет его кожи казался бледным и неестественно выделялся на фоне полутьмы дождевого занавеса. Прямые, чуть заострённые черты лица, тонкие упрямые губы – моя бабушка всегда предупреждала, бойся людей с тонкими губами, у них непростой характер, – но в тот момент мне было не до этого. Узкие щёлочки глаз уставились на меня, ожидая подтверждения указанного им маршрута.

И тут Олег вздохнул и поморщился, видимо, от боли, так и не придя в сознание. Значение времени, утекающего безвозвратно, как песок, пронзило меня кинжалом прямо в самое естество и необычно громким для себя голосом я закричал, пытаясь перекрыть шум дождя:

– Едем, конечно, едем, быстрее, пожалуйста!

Мой неизвестно откуда взявшийся спаситель захлопнул дверь машины с той стороны, где я сидел, и, быстро обойдя её, сел на место водителя. Он был элегантно одет: лёгкие светлые брюки изо льна очерчивали длинные худощавые ноги, белая рубашка, намокшая от дождя, прилипла к телу, выдавая хрупкую грудную клетку. При взгляде на его руки, с уверенностью взявшие руль автомобиля, мне не сразу удалось поверить, что он смог удержать Олежку вот этими тон-

кими костлявыми руками, они походили на ветки деревьев поздней осенью, когда после листопада остаётся чёрный безжизненный остов дерева.

Он выглядел простым обывателем и, в то же время, в нём было что-то, что не угадывалось на первый взгляд: он казался опасным и обладающим властью. Не спрашивайте какой, я только сейчас начинаю понимать, *что это за власть*. Но тогда, в ту минуту, когда я сел в его машину, дверца ловушки, в которую я попал, закрылась намертво.

– Вы знаете, где находится ближайшая больница?

– Извините, что? – переспросил я, не сразу понимая, что, вероятно, он уже задавал этот вопрос ранее, но я, озабоченный всем, что случилось, не сразу смог ответить.

– Первая городская, в 15 минутах езды, – и жестом показал на поворот, за который надо было ехать, чтобы затем по прямой добраться до больницы.

Ключ зажигания тихим щелчком завёл машину, и мы поехали. Каждый красный свет светофора был подобен вечности, которая всё больше отдаляет тебя от желаемого, а желаемым было на тот момент избавление от страха за жизнь Олега и облегчение от мысли, что это не Я убил его. Вам должно быть знакомо это чувство, почти каждого хоть раз в жизни обвиняли в чём-то, что он не совершал. И почти каждый раз, когда это случается, нет ни одного свидетеля, чтобы доказать обратное. Но если вам повезёт и зачатки адвоката в вас смогут защитить вас от напрасных обвинений,

ваша совесть будет чиста. Моим адвокатом был врач педиатр, который принял нас в приёмном покое.

– Что произошло? – спросил он, нехотя отрываясь от заполнения истории болезни очередного маленького пациента.

– Не... несчастный случай, – заикаясь, сказал я. – Он упал из моих рук...

– Упал или вы его уронили? – хитро сощурился глаза, спросил врач, так и продолжая сидеть за столом.

– Послушайте, мне кажется, что сейчас не время обсуждать, как это случилось, – произнёс мой странный попутчик, – главное, нужно помочь этому мальчику.

– Сожалею, но в отделении нет мест, попробуйте в больнице соседнего района, – холодно ответил эскулап.

Спасение, казавшееся таким близким, ускользало от меня, чувство беспомощности перерастало в панику, жизнь Олега зависела от этого бездушного человека. В несколько мгновений все эти чувства сменились яростью, злостью и желанием во что бы то ни стало заставить дежурного педиатра исполнить свою клятву Гиппократа. Я взглянул на мужчину, благодаря которому мы оказались в этой больнице и подарившему надежд. Его ярко синие глаза, казалось, выражали полную солидарность со мной, чувства, переполняющие и удушающие меня, вмиг стали понятны ему.

Наклонившись и перегнувшись через стол, он схватил врача за лацканы старого застиранного халата, отчего тот был даже не белым, а серо-зелёным, и внезапно севшим го-

лосом произнёс:

– Ты спасёшь Олега, и сделаешь всё, что от тебя требуется.

В воздухе повисла опасная тишина, не предвещающая ничего хорошего. «Ты всё испортил, – крутилось у меня в голове, – нужно было попытаться договориться по-хорошему».

Врач, не отрываясь от взгляда своего агрессора и даже не пытаясь выволить свой халат из его цепких объятий, медленно произнёс:

– Я понял.

Немедля поднявшись из-за стола, он подошёл ко мне, жестом подозвал медсестру, проходившую мимо, и отдал ей распоряжение привезти каталку. Затем врач осторожно положил Олега на медицинское оборудование для транспортировки пациента и повез моего сына в смотровую. Пойдя за ним, я увидел, как, надев перчатки для осмотра, врач начал осторожно ощупывать пострадавший череп ребенка.

– Это случилось внезапно, – начал было я, но он меня остановил.

– Я всё знаю.

На тот момент мне не показалось нужным уделить много внимания этой пустой, казалось бы, фразе, теперь стало понятно, что я ошибался.

Он механически, почти как робот, промыл рану на голове Олега, который продолжал находиться в бессознательном состоянии, и затем поднёс марлю с нашатырным спиртом к его носу. Поморщившись, малыш тихо застонал и, повер-

нувшись на бок, согнулся в позе эмбриона.

– Готовьте реанимацию, – резко, как удар хлыста, прозвучало в смотровой, и тут же забегали нянечки и медсёстры, каталку повезли к лифту, я последовал было за ними, но врач предупреждающим жестом руки остановил меня.

– Туда нельзя. Как что-то изменится, вам сразу скажут.

Отчаяние вновь охватило меня, оно переходило в бессилие что-либо изменить. Сев на расшатанный стул возле лифта, я опустил голову на руки и закрыл глаза. Сколько ещё продлится эта пытка? От брюк и рубашки всё ещё пахло свежей кровью. Пахло моим сыном. Возможно, это последние флюиды жизни, покидавшей его, прощальный подарок Олежки.

– Не отчаивайтесь, – рука нашего попутчика легла на моё плечо. – Они сделают всё возможное, я уверен.

– Вы уверены?

Мой голос дрожал, руки леденели и живот сводило судорогами, страх полностью овладел моим телом и не оставалось сил ему сопротивляться. Да и не хотелось.

– Больше чем. Давайте выйдем на улицу, вам это пойдёт на пользу.

– А как же врач? А Олег?

– Не думаю, что вам скажут что-то ранее, чем через пару часов. Пара-тройка часов ожидания вам на пользу не пойдёт, ваш сын должен увидеть вас улыбающимся, а не затравленным.

Последовав его совету, мы спустились на первый этаж и, пройдясь по больничному парку, выбрали для ожидания скамью, которая находилась ближе всего к входу, на случай если меня будет искать дежурный врач.

Я не знал, как начать разговор с нашим таинственным спасителем. Не знал, о чём спрашивать. Он просто сел рядом и, посмотрев на меня, спросил:

– Это не вы случайно пишете книги на исторические темы?

– Д-да, – ответил я, заикаясь от волнения и пытаясь привести мысли хоть в какую-то видимость порядка, поднял глаза и взглянул прямо в лицо моего собеседника.

Оно не выражало никаких эмоций, гладкое, без единой морщины, отсутствовали даже привычные всем нам складочки, возникающие в результате избыточной активности мимических мышц. Лицо-маска. И только ярко-синие глаза необычно выделялись на этом бледном гладком лице. «Должно быть, в темноте они фосфоресцируют», – усмехнулся я про себя, и тут же другая мысль пронзила мозг: «А не начинаю ли я сходить с ума? Или может, это всё сон, я проснусь и облегчённо вздохну, понимая, что весь этот бред всего лишь переработка мозгом поступающей в него отовсюду информации».

Но его рука, внезапно обнявшая меня за плечо, разрушила последнюю иллюзорность наивных ожиданий.

– Я предпочитаю последнюю, «В объятиях Иуды», пусть

даже там и встречаются некоторые разногласия, написано неплохо. Но вы можете писать и лучше.

– Как вы можете судить о моих возможностях?

– Я наблюдал за вашими творческими идеями от книги к книге, вы растёте, хоть и не достигли пока ещё вершины.

– Вершины чего?

– У каждого свой Эверест. Задайте себе вопрос, находясь здесь и сейчас: чего вы хотите?

Этот вопрос ошеломил меня, как удар молота по голове, выбив все мысли и оставив глухую пустоту. Временно утерянная способность разумно мыслить вгоняла меня в тупик. Я растерянно взглянул на него, НЕ ЗНАЯ, ЧТО СКАЗАТЬ.

Назойливый звонок мобильного вывел меня из ступора, ну, вы знаете первые мобилки, появившиеся после развала Советского Союза. Огромные, если сравнивать с нынешними мобильниками, размеры, гнусавый звонок и покрытие сети, оставлявшее желать лучшего.

Я не смог удержать трубку в руке, она выскользнула и со звонким гулом упала на асфальт. Он, вы уже знаете кто, быстро поднял её и передал мне.

– Да, – голос продолжал подводить меня, и, прокашлявшись, я повторил, – да, кто это?

– Началось! – взволнованный голос Лизы на том конце связи мог означать только одно: у неё начались предродовые схватки. Да, у нас должен был родиться второй ребёнок, София, которую мы очень ждали.

– Лиза, солнышко, – начал было я, продумывая, как и что я могу сказать в данный момент, и тут мой спутник, прижав палец к губам, дал понять, что сейчас не время говорить о том, что произошло с Олегом.

– Эээ, я сейчас подъеду.

– Оставь Олежку у моей мамы.

– А я не опоздаю?

– Нет, – улыбка, чувствовавшаяся в её ответе, согревала и это придавало некое чувство уверенности, что всё ещё наладится. Наша Соня обязательно дожждётся папочку!

– Хорошо, через полчаса я у тебя, и мы поедем в роддом.

Прошло некоторое время, прежде чем я нажал на красную кнопку окончания разговора. Красный. Его было так много сегодня... Что же делать?

– Пока ничего ей не говорите, – словно отвечая на мой вопрос, сказал тот, кто, возможно, спас Олега.

– Но как я объясню?

– В ближайшие шесть часов ей будет не до объяснений, – ухмыльнулся он. – Но вы...

– Мужчина! – резкий окрик толстой санитарки, выбежавшей из больницы, обращался, по всей видимости, ко мне. Я встал и побежал ей навстречу, каждый шаг приближал меня к окончанию этого кошмара. Но сейчас я понял, как ошибался тогда. Впрочем, это уже не имеет значения.

Круглое красное лицо санитарки было взволнованным. Окинув меня оценивающим взглядом, она спросила:

– У вас такая же группа крови, как у вашего сына?

– Нет, к сожалению, нет...

– Врач послал меня, чтобы сказать, что нужно срочное переливание крови. И группы вашего сына нет в резерве больницы.

Надежды рухнули. Где я смогу найти донора? И Лиза, которая ждёт, что я приеду через 15 минут... Что мне делать?! Брать кровь у Лизы невозможно, да и как сейчас ей можно рассказать обо всём этом ужасе?

– Какая группа крови нужна?

Я узнал этот голос, в который раз за сегодняшний день он вёл меня по правильному пути. Единственно верному на тот момент.

– Четвёртая отрицательная.

– Я могу помочь, это моя группа крови.

– Не может быть! – наивно-восторженно вскрикнул я.

– Можете считать, что вам повезло, но взамен я попрошу сделать мне маленькое одолжение.

– Всё, что хотите! – воскликнул я, готовый на всё, лишь бы не терять ценное время.

– Тогда, в двух словах, я издатель, у меня есть своя типография, и мне нужен писатель романов ужасов.

– Но я...

– Нет, я знаю, вы пишете на исторические темы, но вы попробуйте, результат превзойдёт ваши ожидания. Какой гонимый вы получали за каждую из книг? Не говорите ничего,

я готов увеличить это сумму в 10 раз. Представьте, что вы сможете сделать на ваш первый гонорар.

Улыбка тронула уголок его рта, и я понял, о чём он говорит. Избавиться от долгов за съёмную квартиру, купить новую машину, а не стыдливо выезжать на раздолбанной «пятёрке», или просить, чтобы мой сосед достал нужные нам запчасти. Он был хозяином одного из первых в Москве гаражей по продажам иномарок, и с видом человека, совершающего акт благотворительности, всякий раз, сочувственно кивая головой, брал те жалкие деньжонки, которые я мог ему заплатить.

Его взгляд сверлил меня, каждая мысль, мелькавшая в голове, отражалась в незнакомце подобно зеркалу, и чем больше я склонялся в сторону подписания контракта, тем улыбка на его лице становилась шире.

Последней мыслью-шоком, мыслью, пистолетом убившую остатки совести, стала вспышка, вы помните такие огромные вспышки на фотоаппаратах «Зенит», так вот, это была мысль, состоящая из четырёх букв: Олег.

– Ха, ха, ха, – зычно рассмеялся мой будущий издатель, откинув голову назад, и за широко расстёгнутым воротом рубашки на плече, со стороны лопатки, я увидел уродливый шрам, вернее несколько сантиметров этого шрама, он казался длинным, пунцово-красным, широким и даже кровоточащим в некоторых местах, отчего на его рубашке стали появляться капли сукровицы.

– Да не переживайте вы так. 90 процентов такие, как вы, и меня это радует. Стыд и совесть тут ни при чём, наоборот, они тормозят то, к чему стремится человек, а вы стремитесь спасти вашего сына, ведь так? Или я ошибаюсь?

– У вас есть ручка? – только и хватило сил спросить у меня.

Он тотчас же вынул обыкновенную серую шариковую ручку, с сильно обгрызенным колпачком на другом конце, и откуда-то взявшаяся папка с контрактом дополнила картину заключения контракта между двумя деловыми людьми. Или убийцами в окровавленных рубашках, как станет понятно позже. Но я же не испорчу вам вкус развивающейся интриги, не так ли?

Он отвёл меня на ту же скамейку, где до этого мы сидели. Недовольная санитарка, лицо которой начало багроветь от жары и злости из-за того, что мы так долго, по её мнению, решаем вопрос с переливанием крови Олежке, закричала противным голосом рыночной торговки:

– Эй, мужчина, так что, вы решили, что будете делать?

«Да, решил. Для себя я всё решил», – подумал я, только это было решено не для меня одного, а для нас всех, для моей семьи, включая нерождённую Софию.

– Минутку, я иду, – вежливо ответив, я быстро поставил подпись на контракте, там, куда указал мне издатель, и, расписавшись, заметил, что запачкал контракт рукавом рубашки, который пропитался кровью сына.

– Извините, – начал было я.

– Так даже лучше, – словно про себя сказал он. – Дайте ваш номер сотового на всякий случай.

– Да, конечно. – Под своей подписью, в коричневых разводах засыхающей на бумаге крови, я написал номер телефона.

Вместе мы подошли к санитарке, и мой издатель, сообщив, что готов стать донором для Олега, направился за ней в отделение реанимации. Остановившись лишь на момент у входа в больницу, он обернулся и подмигнул мне, словно мы стали друзьями не разлей вода.

Я взглянул на часы, оставалось 15 минут, чтобы доехать до нашей квартиры, но появляться перед своей женой в таком виде было невозможно и по пути я заехал к школьному другу, который всегда был готов выручить. Один из таких друзей, о котором вы мечтаете, но всего лишь единицы могут похвастаться этим, я был одним из них.

Быстро вымывшись и наспех рассказав, утаив некоторые подробности, о том, что случилось, я пробежал две улицы до нашего дома. В подъезде мой палец потянулся, чтобы нажать на кнопку вызова лифта, но надпись «Лифт не работает» остановила меня. Ну конечно, как же может быть иначе в такой говённый день.

Не помню, как я пролетел пять этажей нашей хрущобы, наконец, желанная дверь была передо мной. Прислонившись вспотевшей спиной к прохладной стене подъезда, я отдышался, прикрыв глаза. Звук приближавшихся шагов заста-

вил меня прийти в себя и позвонить в дверь.

Подождав пару минут, я опять позвонил в дверь и, услышав неторопливые шаги, облегчённо вздохнул. «Хоть с тобой всё в порядке», – скользнуло в мозгу.

Когда открылась дверь, я увидел Лизу, стоявшую в полусогнутом положении, держась руками за свой большой живот. Она часто дышала, капельки пота выступили на лбу, каштановые волосы беспорядочно рассыпались по плечам, в её тёмно-карих глазах отражалась мука и в то же время радость ожидания.

– Наконец ты здесь, – прошептала она. – Возьми, пожалуйста, сумку, она в нашей спальне.

– Да, конечно, как ты?

– До роддома, думаю, дотянем, – подобие улыбки осветило её лицо. – И помоги, пожалуйста, застегнуть босоножки.

Через несколько минут мы были на выходе из подъезда, и я пытался поймать такси, но, как назло, они были либо заняты, либо их не было вообще. Троллейбус закрыл свои гармошечные двери прямо перед нами, паника начала вновь охватывать меня своими цепкими тонкими пальцами, всовывая их глубоко под ложечку.

«Она родит прямо здесь, на автобусной остановке, если не предпринять что-нибудь», – подумал я. Словно в ответ на мою мольбу, кто-то заклаксонил рядом с нами. Оглянувшись, я увидел знакомый злополучный «мерседес», ну конечно, мой сосед. «Нет, какого чёрта ты появился сейчас

здесь? Чтобы ещё раз показать мою беспомощность? И без тебя смог бы справиться».

Стеклоподъёмник медленно опустился, и толстое, немного обрюзгшее лицо моего соседа, показалось в полумраке салона авто подобно полной луне. Он участливо-лицемерно посмотрел на нас, затем его взгляд оценивающе задержался на фигуре Лизы, и в конце концов он спросил:

– Вас подвезти? Я вижу, что ждать долго нельзя.

– Ох, Слава, ты прав, – сказала Лиза, рукой подпирая поясницу, – спасибо тебе.

– Садитесь.

Он сразу открыл дверь рядом с собой и жестом пригласил Лизу сесть. Поддерживая её за руку, я помог ей сесть и затем пристегнуть ремень безопасности, после этого сам сел на заднее сиденье.

– В какой роддом едем? – его голос был резким и немного хриловатым, я ненавидел его, когда он смеялся, как дрожал его большой, словно железный, живот, двойной подбородок, опускавшийся почти до половины шеи, и маленькие пороссячи, почти бесцветные глазки, буравившие тебя, заранее прикидывая, сколько ты стоишь и как бы тебе продать что-нибудь подороже. Но сейчас он был как никогда серьёзен и ждал адреса.

– Роддом номер пятнадцать, – достаточно сухо ответил я, кладя ладонь на плечо Лизы, сидевшей спереди.

– Тот, что на Шарикоподшипниковской?

– Да.

– Понял. – Резким движением руки переключив рычаг коробки скоростей, он свернул в ближайший переулок, чтобы сократить дорогу.

Всю дорогу Лиза старалась правильно дышать, но это не всегда ей удавалось. Иногда она вскрикивала, корчась от боли, и единственное, что мне оставалось, это поддерживать её морально. Минут через пятнадцать мы наконец-то доехали до роддома. Придерживая Лизу за руку, я помог ей подняться по лестницам и зайти в приёмный покой, наш сосед последовал за нами, участливо неся её сумку. На наше счастье врач акушер, который вёл Лизу, был на дежурстве и сразу начал оформлять её документы. Слава, в который раз пробуравив меня своими маленькими глазками, сказал:

– Ну что, удачи, известишь меня потом.

– Да, конечно, спасибо, что подвёз.

– А мне по пути было. Буду покупать второй гараж неподалёку отсюда, так что без проблем, – и, похлопав меня дружески по плечу, вдруг отпрянул и, странно посмотрев на меня, спросил:

– Ты порезался?

– Нет, с чего ты взял, – отшутился я. – Ну ладно, давай.

– У тебя кровь на шее за ухом, – поросячьи глазки подозрительно сощурились.

– Кровь, где? – Спросила Лиза, тщательно рассматривая меня.

– Да, наверное, задел лезвием, когда брился сегодня, – наврал я, спеша отделаться от надоедливого соседа. «Убейся, чёртов боров», – думал я, продолжая вежливо улыбаться, но он не собирался и двигаться с места. Скрестив руки на своём раздутом животе и делая круговые движения большими пальцами, он пристально вглядывался в то место на моем теле, где остались следы крови Олега, не замеченные мной.

К моему счастью, акушер-гинеколог позвал Лизу в смотровую, и надоедливый сосед, судя по всему, решил таки заняться своими делами. Сильно хлопнув меня по плечу своей огромной ручищей с колбасоподобными пальцами, от чего меня чуть отшатнуло в сторону, он внезапно притянул меня к себе и на ухо прошептал:

– Не знал, что брешь себе затылок.

От него несло недавно съеденным чесноком, коньяком и чем-то ещё непередаваемо отвратительным: когда ты терпеть не можешь человека, даже звуки его дыхания приводят тебя в бешенство, и с каждым его вздохом ты хочешь опустошить эти лёгкие раз и навсегда, стереть его с земли и очистить свой безоблачный горизонт от мерзкой тучи, закрывающей солнечный диск и мешающей тебе радостно жить. Помните, что я описал вам ранее? Про заключение контракта между двумя убийцами? Ха, конечно, я был прав. В каждом из нас живёт прирождённый убийца, монстр, которого мы подавляем нормами морали, библейскими истинами

и жизненными устоями. Но он не глуп. Он ждёт момента, когда всё вышеперечисленное перестаёт охраняться нашим всевидящим стражем, назовём его, к примеру, совестью, и, поверьте мне, такие моменты бывают, тогда бессознательное открывает дверь той темницы нашего естества, где прячется монстр, и выпускает его.

Мой монстр подждал у двери своей темницы, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Но мне удалось его удержать.

– Может, в парикмахерской вчера практикантка попала? Такое впечатление было, что первый раз бритвенную машинку в руках держит. Спасибо, что заметил, – наигранно вежливо заметил я. – Ну извини, я думаю, что мне нужно переодеться для родильного зала.

– Что? Ты будешь присутствовать при родах своей жены?

– Да, – немного лениво протянул я, стараясь подражать его манере общаться. – Ну ты же знаешь это нововведение, пришедшее с Запада, поэтому Лиза и выбрала этот роддом, хотя, поверь, мне совсем не улыбается присутствовать там.

– Конечно, я тебя понимаю, по мне так лучше присутствовать при зачатии, – захохотал он, всунув руки в карманы своих новеньких брюк от Армани, достаточно плохо сочетающихся с малинового цвета пиджаком, эмблемой нашей новой России начала 90-х годов прошлого столетия. Я так же натужно улыбнулся, стараясь придать улыбке непринуждённый вид.

– Ну всё, брат, если что, звони.

– Непременно, – улыбнулся я и, показательно повернувшись к нему спиной, направился в палату, которая служила гардеробной. Там медсестра дала мне стерильный наряд будущего папаши, включающий блузу, штаны, стерильные тапочки и шапочку на голову. Надев всё это на себя, я посмотрел в зеркало и увидел в себе врача, того врача педиатра, который в эту самую секунду боролся за жизнь Олега.

– Пусть у тебя всё получится, – сказал я сам себе.

Предродовая находилась на втором этаже. Устав ждать больничный лифт, я поднялся пешком по лестницам и, открыв двери, услышал раздирающие вопли рожениц. Моей первой мыслью было убежать как можно скорее из этого места, так как я не выносил всего, что было связано с хирургией, травмами, болью, болезнями. Но я дал слово Лизе.

Глава вторая

Раскрытие шейки матки было почти полным, и к моему облегчению ждать нам оставалось недолго. Ждать или жить? Судя по тому, что все мы ещё здесь, прожито не так уж и мало. Но жадность во всём – конечно, отличительная черта человека, кому бы не хотелось прожить 100 или 200 лет? Имея миллионный счёт, как у меня, всегда приятно добавить к нему ещё хотя бы копеечку, или, несмотря на наличие привлекательной и неглупой жены, всегда можно засмотреться и захотеть юную Лолиту в мини юбке, проходящую мимо тебя, для которой внешне ты не представляешь никакого интереса, но если бы она знала о твоём счёте и карте «Голд премиум», то твоё ординарное, ничем не выдающееся лицо показалось бы ей самым прекрасным на свете. Оно блистало бы своей красотой, как и тот бриллиант, который ты можешь ей подарить после очередной бурной ночи безудержного секса.

Вы, наверное, торжествуете, думая: «А! Ты наставлял рога своей жене?» «Конечно да». Я такой же, как и вы, я живу, но живу я Страхом. Так же, как и вы, неважно, женщина читает ли мой роман сейчас или мужчина, я боялся, что Лиза догадается. Согласитесь, ведь хоть один раз в жизни мужчина соврёт про внеплановое собрание и опоздает на ужин часа на три, или женщина, сказавшая мужу, что обедает со своим коллективом на открытой террасе ресторана, а вместо этого

бежит в ближайший отель к любовнику, чтобы пережить ещё раз тот восхитительный оргазм, который даёт ей любовник, и который, к сожалению, не может дать муж. И те и другие после этого охвачены страхом, что их раскроют, но обычно всё проходит гладко и так продолжается и будет продолжаться, пока будет существовать человеческая цивилизация.

Нет, мой муж или жена не такие, подумаете вы. Я был таким. И спасибо Лизе, ей хватило мудрости и терпения простить меня за это или просто закрыть глаза. Но на тот момент скрывать от неё мне было нечего и я нетерпеливо дожидался начала потуг, чтобы наконец увидеть мою маленькую дочку.

– Ещё полчаса и можно будет переходить в родовую, – сказал врач, поднимая свою голову от широко расставленных на гинекологическом кресле ног Лизы. – Когда вы в последний раз делали УЗИ плода?

– Два месяца назад, – ответила Лиза и, опять вскрикнув от боли, вцепилась в мою руку.

– И они сказали, что всё в порядке?

– Я же собственноручно отдал вам заключение, – нервничая, ответил я.

– Ах да, извините, в этом месяце у меня было столько пациенток, что я вынужден был жить в ординаторской почти сутками. Хорошо, вы готовьтесь, дышите, как я вам говорил, а я пойду прочитаю результат заключения.

Захлопнув за собой дверь, он вышел из палаты, и на лице Лизы вдруг отразилась печаль. Меня это насторожило и,

поцеловав её ладонь, я сказал:

– Не переживай, солнышко, всё будет хорошо.

– Я боюсь, – прошептала она, – боюсь за Соню, вдруг там что-то не так?

– Глупенькая, у нас будет самая прекрасная, ласковая и умная принцесса на всём белом свете!

Она прижалась щекой к моей ладони и, почувствовав приближение очередной схватки, закрыла глаза и откинулась назад. Её лицо немного побледнело, пухлые и привлекательные губы иссохли и покрылись сухими корочками, под глазами начали залегать чёрные тени усталости, подчёркивая бледность и делая её похожей на один из персонажей мультфильмов Тима Бартона. Я положил свою руку на её живот, поглаживая его и думая о моей скорой встрече с дочкой.

В какой-то момент мне показалось, что мой палец начинает затягивать в этот огромный девятимесячный живот, сначала один, потом другой, и скоро вот уже пол-ладони уходит в засасывающую воронку. Я попытался осторожно вытянуть свою руку, но у меня не получилось. Что-то или кто-то намертво держал мою руку, затягивая её всё глубже в тело Лизы. Костяшки пальцев стали невыносимо ныть, я вынужден был встать и, посмотрев на Лизу, удивился, потому что её лицо было безмятежным, казалось, что она просто спит и ничего не чувствует. Она не видела, что происходит. Моя рука начала чувствовать другую руку через туго натянутую кожу живота Лизы, но это не была рука младенца. Сердце

начало бешено биться, невозможность вырваться парализовывала меня, и холодный пот струйками тёк по спине.

Подобно зыбучим пескам, тело Лизы или Тот, кто находился в её теле, тянул меня всё больше и всё глубже.

– Лиза, Лиза, – лихорадочно пролепетал я, – помоги мне. Но она продолжала ровно дышать, решительно не обращая на меня внимания и на то, что происходит.

– Доктор, доктор, – закричал я, – помогите кто-нибудь! – И тут же острозаточенные когти пронзили мою кожу словно тонкий гибкий пластик. Потеряв контроль над собой, я закричал от ужаса и от боли.

Лицо Олега внезапно всплыло передо мной, оно казалось испуганным и затравленным, как если бы кто-то гнался за ним и он не видел, куда ему бежать и к кому ему бежать.

– Папа, не отдавай меня ему, пожалуйста, не отдавай!

– Олежек, сынок, – позвал я его, – я тебя никому не отдам, – и со всей силы рванул руку на себя. Острая режущая, как нож, боль пронзила всю руку, отдаваясь в плече. Открыв глаза, я увидел, что моя ладонь так и осталась в животе Лизы, торчащие сухожилия беспорядочно висели подобно рваной бахrome. И тут она ловким жестом вывернулась наружу, пальцы показали знак Ок и после этого остались безжизненно лежать на животе Лизы. Моя оторванная ладонь больше не двигалась, она просто не принадлежала мне.

Кровь была повсюду. Опять красный, как много красного в этот день, слишком много для одного человека. Но это бы-

ла моя кровь! Тщетно я пытался зажать культю оторванной ладони другой рукой, чтобы остановить кровотечение, все попытки оказались бесполезны. Кровь стекала по мим рукам, больничной блузе, багровые капли, растекались на стерильном больничном полу, и главное, к чему был прикован мой взгляд – огромное бордовое пятно на животе Лизы, в середине которого, словно какой-то несуразный объект сюрреализма, лежала моя ладонь.

– Проснись, пожалуйста, проснись, – услышал я знакомый голос. – Дорогой, это я, проснись, всё хорошо.

Открыв глаза, первое, на что я обратил внимание, это то, что моя ладонь по-прежнему спокойно лежит на животе моей жены, и она не была оторвана, она составляла одно целое со всем телом.

Взглянув на пол, я не увидел ни одной капли крови, всё было так, как если бы я только что зашёл сюда.

– С тобой всё в порядке? – взгляд Лизы был встревоженным и испуганным.

– Да, не переживай, извини меня, но я не помню, что случилось...

– Ты положил мне руку на живот и уснул, и через несколько минут ты начал кричать, ты беспорядочно дёргал рукой, отчего даже упали датчики сердцебиения ребёнка. Я пыталась тебя разбудить, к счастью, у меня это получилось. Что тебе снилось, что могло так напугать?

Поначалу я не хотел отвечать, скорее всего просто оче-

редной бредовой сон, потому что если бы это было правдой, я бы не принял этой правды.

– Просто кошмар, ничего особенного.

– Ты должен больше спать по ночам, вместо того чтобы засиживаться до глубокой ночи.

Ну вот опять: как нравится жёнам принимать мужа за маленького мальчика, всегда назидательно советовать ему, что делать и когда. Но это была Лиза, и если она сказала мне это, значит на самом деле я заработался. Да, я больше чем уверен. Ночь хорошего сна всё поставит на свои места. И завтра будет забавно вспомнить мой сон, похожий на сцену из фильма ужасов начала 80-х годов.

– Ты права, любимая, – сказал я, поцеловав её в лоб. – Ну как ты?

– Я думаю, уже скоро, – прошептала она.

И словно услышав её слова, наш врач акушер вошёл в палату и с довольным видом объявил, что мы можем перейти в родильный зал.

Крики боли и стенания оглушили меня, когда мы приблизились к той части отделения, где находились несколько родильных залов.

Пахло хлором, лекарствами, дезинфицирующими средствами и к этому запаху добавлялся неуловимый аромат чего-то другого. Размышляя над этим, я и сейчас с трудом могу это выразить, чтобы донести до вас. У каждого из нас свои собственные воспоминания, связанные с обонянием. Иначе

запах не имел бы смысла без определённого рода эмоций, которые он в нас вызывает, когда мы находимся в той или иной ситуации.

Каждый может вспомнить, когда он был ребёнком, как вкусно пахнет на кухне, когда приближаются праздники или должны прийти гости. Запах новой игрушки, подаренной книги или отвратительные запахи, например, как неприятно пахло изо рта у одной из моих одноклассниц; разговаривая с ней, я вынужден был отходить от неё на пару шагов, иначе меня стошнило бы.

Так вот, в родильном зале пахло чем-то тёплым, отдалённо напоминавшим что-то неведомое, что не удавалось сразу вспомнить. Ах да, ну конечно, это напоминало аромат комнаты, в которой вы только что часа три кряду занимались сексом. Сладковато-пряный, немного мускусный. Запах удовольствий и начала новой жизни, если хотите. Если вы позволите ей зародиться. Мы хотели нашего второго ребёнка, и запах, ассоциирующийся у меня с Софией, – это запах зачатия и запах младенца. Логично: процесс и результат. И результат, скажу я вам, получился очаровательным.

Потуги шли медленно, несмотря на полное раскрытие шейки матки, что-то препятствовало тому плану родов, который предусмотрел наш акушер. В который раз он смотрел во влагалище моей жены, но головка ребёнка не думала показываться.

– Ещё, тужьтесь, вы должны помочь своей девочке! –

рявкнул он.

Лиза, взявшись за поручни, предусмотренные для рук на гинекологическом кресле, глубоко вздохнув, напряглась изо всех сил, и когда потуга отступила, резко откинулась назад, часто дыша. Я вытирал ей со лба пот, и мне становилось не по себе, глядя на то, как мучается дорогое мне существо, моя Лиза.

Прошло пятнадцать минут, а головка едва виднелась, врач хмурил брови, смотрел на часы, ходил взад-вперёд по родильному залу и, подойдя к родильному столу, вдруг резко начал давить обеими руками на живот Лизы. Она сразу скорчилась и согнулась вдвое, вцепившись руками в халат врача акушера, жена держалась за него, вопя подобно раненому животному.

– Тужься! – захрипел врач, который был довольно крупным детиной, и в какой-то момент мне показалось, что он просто-напросто раздавит Лизу.

– Не могу! – выкрикнула она, лицо стало багровым от напряжения, искусанные в кровь губы были крепко сжаты, мне казалось, что ещё чуть-чуть и она умрёт от разрыва сердца.

– Прекратите! – закричал я, оттаскивая врача акушера от Лизы. – Вы же убьёте её!

– Я спасу её и вашего ребёнка, не мешайте мне! Выведите папашу из зала! – рявкнул он, продолжая изо всех сил давить на мою хрупкую и тоненькую супругу.

Не выдержав, я бросился к нему, но двое забежавших

медработников схватили меня за руки и потащили к выходу из родильного зала.

– Нет! – вопль Лизы был подобен отчаянному крику погибающего, молящего не покидать его. – Не уходи, мне трудно без тебя!

Во имя жены и моей любви к будущей дочери я перестал сопротивляться и пообещал вести себя тихо. Подойдя к столу, я встал у изголовья и начал поцелуями осыпать её лицо, шёпотом обещая, что всё будет хорошо и мучения скоро кончатся.

Но я ошибался. Несмотря на старания акушера сделать тело Лизы подобным белью, прошедшему через два валика, ребёнок так и не хотел появляться на свет.

Разрывающие тишину родильного зала крики Лизы вызвали страх перед неизвестностью. Всегда боишься того, чего не знаешь заранее. Неизвестной была судьба Софии, у неё начались нарушения сердечного ритма, что было видно на датчиках, моя жена была на грани физического и морального срыва, в родильный зал стали забегать ранее не виденные мной врачи, которые привезли кувез.

– Почему всё это? Зачем? – испуганно спросила Лиза, растерянно озираясь вокруг, пытаясь хоть за что-то зацепиться взглядом, но очередная потуга накрыла её с головой, подобно волне, и она растворилась в океане боли.

Я пытался сдержать данное мной обещание не нервничать, но удавалось это с трудом. Полностью положиться

на эскулапов, которые не считали нужным поставить тебя в известность о том, что происходит, было очень трудно, процент смертности новорождённых был невероятно высок, но выхода не было – выхода или выбора. Иногда все врачи одинаковы, готовы с радостью взять с вас деньги за привилегированное лечение и избирательное отношение как к пациенту, но в итоге, если, не дай бог, у вас возникнут непредвиденные сложности, отношение к вам будет таким же, как и к другим больным, чьё состояние здоровья находится в опасности. Реанимационные процедуры одни и те же везде, где бы вы ни находились, вопрос в том, применят ли их к вам или нет, и если применят, даст бог, выживете.

Судя по всему тому, что случилось, в этот день Бог был чем-то невероятно занят. Возможно, временами всё-таки поглядывая на нас и надрывая живот от смеха, спрашивал: «Ну что, как тебе это? Выдержишь?» Я решил выдержать, несмотря ни на что.

– Готовьте форцепс! – заорал акушер и перестал давить на живот Лизы.

Медсестра, открыв железный блестящий ящик, достала оттуда невероятно длинные щипцы с загнутыми внутрь концами, подобно хвосту клеща.

Это было похоже на один из инструментов средневековой инквизиции. Оно блестело тем ледяным металлическим блеском, который не обещал ничего хорошего. Акушер взял

его в руки и нагнулся между широко раздвинутыми ногами Лизы.

И тут я струсил. Нагнувшись, чтобы в который раз поцеловать её лицо, я закрыл глаза и замер в таком положении. Мне не хотелось видеть тот ужас, который проделывал с ней инквизитор, надевший маску акушера. Лиза часто дышала, от боли она не осознавала окружающую действительность, какой-то лёгкий, еле слышимый шёпот доносился до моих ушей.

Я пытался прислушаться и поначалу мне это не удавалось, но потом через несколько мгновений я смог различить.

– Ужас... зло, которое здесь... это ты его впустил... ты, – всё тише говорила она, и потом её голос совсем умолк.

Открыв глаза, я посмотрел на неё, и тут Лиза выгнула спину, как если бы хотела встать на мостик, хотя в жизни она никогда не занималась гимнастикой, и резко на весь родильный зал из её горла раздался низкий мужской голос:

– Я буду первым во тьме.

И тут же крик младенца, словно подтверждение этому, раздался, разбиваясь эхом на гладких кафельных стенах родильного зала.

Несколько мгновений я не совсем понимал, что произошло, и только увидев полненькое тело новорождённого ребёнка в руках у медсестры, я осознал, что всё закончилось, закончились страдания Лизы, этот нескончаемый тяжёлый день, который выжал из меня последние силы и, судя по все-

му, капли рассудка тоже.

Лиза посмотрела на меня, на этот раз понимая, что она делает, и спросила:

– Где моя девочка? Я хочу её видеть.

Краем глаза я заметил, что нашу Соню собираются положить в кувез, я попросил, чтобы на минуту нам дали её поддержать.

– На минуту, не более, – ответил недовольный акушер, – сейчас каждая минута дорога.

Осторожно он положил младенца на живот Лизы, и тут наша дочь приоткрыла свои глазки и их цвет поразил меня, они были небесно-синего цвета, я знаю, вы можете парировать, что большинство младенцев рождаются с голубыми глазами, но это не был обыкновенный голубой. Поначалу я даже не мог определить, что это за цвет, но потом я понял, что удивило меня, на самом деле у неё были глаза разного цвета. Один был голубой, а другой зелёный. Когда-то у моей подруги был белый кот с глазами разного цвета, но чтобы такое встречалось у людей, мне не доводилось слышать.

– Она красавица, как ты и обещал, – прошептала Лиза, и слёзы потекли у неё по щекам.

– Не плачь, всё уже позади, – прошептал я, целуя жену.

– Да нет, – сурово ответил акушер, – у вашей дочки было долгое кислородное голодание, вдобавок наложение fórцeпca особой пользы никому не приносит. Мы её увезём в реанимацию для новорождённых, и потом скажем вам, как она.

Осторожно взяв Софию на руки, он положил её в кувез и тут же выкатил его из родильной палаты.

– Реанимация? – Лиза расстроено посмотрела на меня, не в силах вымолвить ни слова.

– Всё будет хорошо, она теперь с нами, остальное сделают врачи, тебе нужно сейчас думать о себе, ты устала, – сказал я, ласково глядя её по слипшимся от пота и слёз волосам.

– Я думаю, вы можете выйти, – сказал акушер, – нам осталось совсем немного.

– Ты хочешь, чтобы я остался с тобой? – неуверенно спросил я Лизу.

– Нет, – вздохнув, ответила она. – Посмотри, что с Соней, и потом скажешь мне, как она.

– Конечно, не переживай, как только узнаю, как себя чувствует наша маленькая принцесса, я тут же к тебе.

– Хорошо, – устало ответила она, в глазах читалось смятение и беспокойство.

Если первый роды прошли без сучка и задоринки, то эти, вторые, были настоящим испытанием. И для папаши, который впервые присутствует при родах своей жены, это испытание я выдержал с достоинством. Мне так кажется, по крайней мере, чувство сомнения довольно часто гложет меня в большинстве моих поступков. Эдакий судья, спрашивающий:

– Что бы вы сделали, если бы всё было по-другому?

Оглядываясь назад, именно на этот день, я бы ни сделал

ничего, чтобы изменить ситуацию. Приобретение опыта даётся нам свыше. Кем оно даётся, не моя забота.

Я знаю одно: его нужно прожить, чтобы идти дальше, несмотря ни на что. Мой путь лежал в детское перинатальное отделение. Переодевшись перед входом в реанимацию новорождённых, я открыл дверь. То, что я увидел, напомнило мне сцену из фантастического фильма, где запрещено рожать детей и их выращивают искусственно. Десять ящиков из прозрачного стекла, стоящих один напротив другого, в которых лежали беспомощные недоношенные младенцы, некоторые совсем крохотные, почти игрушечные. Полупрозрачные пальчики, через тонкую папирусную кожу виднелись фаланги косточек, непомерно большие головы – эдакие инопланетные существа, рождённые нами.

Озираясь вокруг, я пытался найти свою дочь, но это оказалось нелегко. Чаще всего младенцы в первые часы своей жизни все на одно лицо, и различить, где был мальчик или девочка, я не смог.

Среди бирок с именами и фамилиями детей я так и не нашёл Соню. Выйдя из отделения реанимации, чтобы найти педиатра-неонатолога, я наткнулся на двух санитарок, одна из них несла в руках свечку, которые ставят за упокой. Сочувственно вздыхая, они перешёптывались:

– Как жаль, хорошенькая была девочка.

– Да, ещё повезло, что мать спасли, после всего, что она перенесла, это было либо кесарево, либо щипцы.

– Как называли-то маленькую покойницу?

– Пока не знаю, врач пошёл искать отца, не хочет матери ничего говорить, она во время родов бредила, спаси Бог её душу, – перекрестившись, ответила санитарка своей напарнице.

– И воистину, помилуй нас грешных, Боженька! Такого ангелочка забрать, – и она прослезилась, утирая ладонью слезу, катившуюся по щеке.

– Ты видела, какие у неё были глазки?

– Да, таких я ещё ни у кого не видела.

Смысл последней фразы начал медленно, как во сне, доходить до меня. Не хотелось верить в безысходность и ужас происходящего, и это затормаживало все мои реакции. В начале услышанного мной разговора тревога росла подобно снежному кому и последняя фраза бросила мне этот ком в лицо.

Я обессилено сполз на пол вдоль стены коридора, и сердце, казалось, вот-вот остановится. Лиза так хотела девочку, она так мечтала о ней, куча одежды розово-пастельных тонов... какому ребёнку повезёт всё это носить? Наша принцесса стала королевой царства невинных.

– Вы отец Софии? – спросил кто-то.

– Это уже не имеет никакого значения, – едва слышно ответил я, не глядя на того, с кем разговариваю.

– Как не имеет?!

Возмущённый тон моего собеседника вывел меня из сту-

пора и я нехотя посмотрел на того, кто пытался философствовать в такой момент.

Передо мной стоял врач акушер, который увёз Софию в кувете из родильного зала. В кувете, ставшем ей маленьким хрустальным гробиком.

– Что вы хотите?

– Чтобы вы взглянули на вашу дочь, – тон из возмущённого стал удивлённым.

– На опознание?

– Какое опознание? О чём вы? Ваша дочь жива, ей просто нужно провести несколько дней под наблюдением неонатологов, вот и всё. Она хорошо реагирует, все рефлексы нормальны, здоровый ребёнок, несмотря на форцепс.

Вероятно, выражение моего лица было настолько неординарным, что врач на этот раз участливо спросил:

– С вами всё в порядке?

– Да, теперь уже да, – облегчённо вздохнул я. – Куда нужно идти?

– Есть две палаты реанимации, идите в ту, что в конце коридора.

А я то заходил в палату, которая была ближе всего к входу в неонатальное отделение. Это было ошибкой, стоившей мне появлением седых прядей на висках и повышенным давлением на всю оставшуюся жизнь. Да, я принимаю таблетки каждый день, нет, мне ещё нет 60 лет и я не инвалид. Но эти маленькие белые кругляшки оттягивают момент финально-

го выстрела прямо в сердце, который многоуважаемая и заставляющая меня содрогаться от страха госпожа Смерть готовит для вашего покорного слуги. Выстрел, от которого моё сердце разорвётся на куски, он будет произведён из пистолета известной многим марки под названием инфаркт.

Видите, я чувствую вашу улыбку, если вы поняли мою шутку, то вы прочувствуете всё, что случилось дальше. Некоторые из вас захлопнут книгу и поставят её на полку, подыскивая букву алфавита, на которую будет начинаться мой роман (для которого я даже ещё не придумал названия), а другие положат её на стол, открытой на последней странице, и, поражённые моим откровением, будут знать, что им нужно делать и, главное, *как* жить дальше.

Дальше...

Я пошёл за врачом, пытаюсь унять бешено колотившееся сердце в груди. Коридор был нескончаем, всюду то и дело сновали медсёстры, санитарки, раздавалось пиканье машин, поддерживающих жизнь в крошечных новорождённых телах или извещающих об остановке сердечной деятельности, и тогда бригада реаниматологов неслась в палату сломя голову.

София лежала в кувезе, который был расположен напротив окна, и последние лучи заходящего солнца отражались на прозрачных стенах её временного домика. Подойдя вплотную к её волшебному мини-дворцу, я увидел мою дочь. Из маленького носика выходили две трубки, по которым шёл кислород. Круглые наклейки на груди заканчива-

лись тонкими проводами, ведущими к монитору сердцебиения. Она была в памперсе для новорождённых и это был её единственный предмет одежды на данный момент.

Тщательно промыв руки дезинфицирующим средством, я просунул их в специальное отверстие в кувезе, чтобы осторожно потрогать её, дать ей понять, что я здесь и не брошу никогда.

Дотронувшись пальцами до очаровательной пухленькой щёчки, я легонько погладил её пальцем, и она состроила забавную гримасу, она улыбнулась. Этот подарок Софии я буду всегда хранить в моей памяти, её первый и самый ценный подарок отцу.

Что может быть сильнее для родителей по силе эмоций, чем улыбка их младенца? Только его потеря.

Но нам повезло, и Соня решила задержаться с нами подольше, за что я её поблагодарил.

– Спасибо, зайка, – шептал я. – Спасибо, что ты выжила и ты борешься. Ты сильная девочка и ты всё сможешь, потому что мы тебя любим. Ты нужна нам: мне, твоей маме и твоему братику Олегу. Ему, может, чуть поменьше, скажу тебе по секрету, он хотел братика, но, глядя на твой бойцовский характер, я уверен, что ты ещё дашь фору трём братьям.

Проведя ладонью по её плечу, я заметил что-то странное, похожее на родинку. Я убрал руку и, прищурившись, постарался разглядеть, что это.

Это была родинка правильной круглой формы диаметром

не больше 4 сантиметров, и в середине этой родинки была как бы выгравирована небольшая звёздочка нормального цвета кожи. Приглядевшись поближе, стало заметно, что лучи этой звёздочки расположены асимметрично. Приблизившись к кувезу вплотную, чтобы разглядеть поближе, я наконец увидел, что *это* было.

Крошечный отпечаток миниатюрной ладони белого цвета, окружённый тёмно-коричневым пятнышком родинки.

Мой страшный сон оказался явью, и отпечаток оторванной ладони остался на плече Софии.

Сигнал мобильного телефона о поступлении новой смс, подобно раскату грома, вывел меня из ступора. Медленно вынув свои руки из кувеза, я направился к выходу из палаты детской реанимации, и в коридоре, достав телефон, я прочитал:

– Олег пришёл в себя.

И всё. Больше не было ни слова, но я знал, от *кого* пришло это сообщение, и я был ему рад. Облегчённо вздохнув, я поблагодарил Бога за то, что всё хорошо разрешилось, и поднялся к Лизе, чтобы наконец-то рассказать ей, как чувствуют себя наши дети.

Всё это время, что я находился в родовой или в отделении неонатологии, у меня почему-то странно чесалась внутренняя сторона запястья. Собираясь нажать на кнопку вызова лифта, я не смог этого сделать. На внутренней стороне моего запястья зияли кровавые следы от когтей.

Глава третья

25 августа Софии исполнилось три месяца. Она росла очаровательной малышкой, хорошо развивалась и набирала в весе, не досаждая нам коликами, как её собратья по цеху. Чему несказанно был рад Олег, ибо, являясь любителем поспать, он бы очень плохо воспринял многочисленные ночные бдения из-за ноющего животика младшей сестры.

О том, что случилось с Олегом, я рассказал Лизе только после того как она вышла из роддома, потому что Олег оставался под наблюдением в педиатрическом отделении больницы ещё в течение недели после выписки наших девчонок. Конечно, вначале жена сильно разозлилась, не разговаривала со мной два дня, но когда пыл обиды остыл, она поблагодарила меня за всё, что я сделал для нашего сына в тот день.

Возможно, вы спросите меня, почему я раньше не рассказал Лизе о том, что случилось с Олегом, но я вам отвечу, что она кормила Софию грудью, и для малышки материнское молоко было чертовски важным на тот момент, поэтому, чтобы не добавлять негативных эмоций, я дожидался, когда кормление наладится и София будет находиться вне опасности. Когда выписали Олега, педиатр, который наблюдал за ним, сказал нам, что нужно пройти к главврачу, который нас ждёт.

Глухое предчувствие опасности шевельнулось в груди,

но я не подал виду и, широко улыбнувшись Лизе, пошёл вместе с ней в кабинет главврача отделения.

Шистов Александр Павлович – извещала нас табличка на двери входа в его кабинет. Вежливо постучав, я мягко опустил дверную ручку и заглянул в кабинет.

Врач сидел спиной ко мне. Повернувшись к окну, он рассматривал рентгеновский снимок детского черепа в ярких солнечных лучах и, услышав, что мы хотим зайти в кабинет, тут же развернулся на своём чёрном кожаном кресле. Кожа на подлокотниках и внутренней спинке кресла местами потрескалась и истёрлась, кресло было не новым, но оно, возможно, стало очень комфортным, как любимое канапе, которое очерчивает контуры вашего тела, когда вы садитесь на него, и, в конце концов, устаревая, становится прогнутым в том месте, куда вы погружаетесь, но вы продолжаете садиться именно туда, в вашу маленькую уютную норку, вырытую вашей задницей годами, с сожалением понимая, что канапе надо бы заменить. Но все новые модели с трудом сравнятся с вашим, ведь норки в них ещё никто не вырыл.

Итак, внешне доктор напоминал профессора Преображенского, мастерски описанного Михаилом Афанасьевичем в его гениальном «Собачем сердце». Небольшие очки на кончике носа, похожие больше на пенсне, седые, коротко подстриженные волосы и правильные черты лица. Некая вуаль интеллигентности оведала всё его естество, пронизательный взгляд серо-голубых глаз изучал нас некоторое вре-

мя, и потом жестом руки он предложил нам сесть.

– Врач, который ведёт нашего сына, попросил зайти к вам, – неуверенно начал я.

– Да, это так, – кивком головы подтвердил Александр Павлович. – Были ли у вас в роду больные психическими заболеваниями?

Вопрос показался настолько абсурдным, что мы с Лизой удивлённо переглянулись и хором ответили:

– Нет.

– Вы уверены? – спросил он, делая акцент на последнем слове.

«Нет, ну что за наглость, – подумал я. – Он что, хочет сказать, что мой сын debil? Нет, конечно!»

– Насколько я помню, нет, – с уверенностью, которая сравнивалась с вызовом, ответил я.

– С моей стороны тоже никого нет, – более мягко ответила Лиза, беря меня за руку, словно говоря, не переживай, всё будет хорошо, это просто какая-то нелепая ошибка.

Выдержав некоторую паузу, главврач вздохнул и, наклонившись над столом, придвинул к себе историю болезни, на которой была написана фамилия нашего сына.

Пролистав несколько страниц пока ещё тонкой папочки, он нахмурил брови, поправил «пенсне» и потом вложил в эту папку снимок, который он изучал до нашего прихода.

– Просмотрев результаты анализов и обследования вашего сына, принимая во внимания обстоятельства, при которых

он поступил сюда, я должен вам сказать, что у него наблюдаются все признаки приступа эпилепсии.

В возникшей на несколько минут паузе царил шок. Разочарование. Чувство вины и, позже, чувство злости: почему это случилось с нами, а не с кем-то другим? Откуда это могло взяться? Что мы сделали не так или что упустили, что не заметили? Рой вопросов, круживших в моей голове, сбивал с толку и мешал собраться с силами, чтобы сконцентрироваться на том, что нам скажет врач.

Но, судя по всему, господин Шистов обладал опытом в общении такого рода новостей, которые, подобно приговору, изменяют жизни детей и родителей раз и навсегда, закрывая беззаботное прошлое в красивую коробочку для сувениров. Завязывая на ней подарочный бант, он клеил на неё этикетку с диагнозом.

Как вы уже знаете, на нашей коробочке была наклеена этикетка «эпилепсия». Эпилепсия в переводе с греческого значит нападение, схватывание. Олега схватил Он, в тот самый проклятый день моей жизни, и больше Он его не отпустит. Мы не стали искать генетических причин, поскольку я знал, что их нет и быть не может. И Лиза была со мной согласна, но она не знала истинной причины моего отказа от поисков генетической версии заболевания нашего сына. Я нагло соврал – так называемая ложь во спасение.

Вы можете спросить, почему я солгал? Зачем утаивать обо всём том, что случилось с Олегом в день рождения Софии?

Да просто потому, что человек, с которым я подписал контракт, мой заказчик романа ужасов, пропал. А как известно, нет человека – нет проблемы. Нет проблемы, нет двустороннего мнения о том, что произошло тогда, есть всего лишь моё одностороннее враньё, царствующее в своём маленьком мирке до прихода кого-то, кто разрушит его. И тогда, конечно, король обмана, живущий в объятиях страха, от предчувствия грядущих перемен, съёживаясь на своём огромном троне, сползёт с него подобно маленькому ребёнку, спускающемуся с высокого кресла. Оказавшись на полу, он будет раздавлен огромной ступнёй того, на чьей стороне окажется правда.

– Я предлагаю вам пройти курс лечения, возможно, это был всего лишь единичный приступ и больше такого не повторится, но я предпочитаю быть уверенным в диагнозе, и поэтому давайте вашему сыну вот эти препараты в течение трёх месяцев, а затем придёте ко мне на повторный контроль, – главврач откинулся на спинку кресла и, скрестив пальцы на животе, ждал нашего ответа.

– А что это за препараты, и как они отразятся на здоровье нашего сына? – настороженно спросила Лиза.

– Конечно, как у всех лекарств, у них есть побочные действия, но в контексте данной ситуации они как нельзя хорошо подходят для лечения, и побочные действия будут мизерны по сравнению с тем положительным эффектом, которые они могут дать.

– Вы не уверены в диагнозе? – спросил я.

– Я не хочу говорить обратное, скорее всего это нужно, чтобы убедить вас, родителей, попробовать этот курс терапии пусть даже в профилактических целях.

– Ха, – удивлённо и саркастично воскликнул я, – тогда почему бы не делать специальный курс упражнений от СПИ-Да и пить газировку, улучшающую цвет лица больных раком на четвёртой стадии? – и не выдержав, рассмеялся прямо ему в лицо.

Шистов тяжело вздохнул и, выдержав некоторую паузу, ответил:

– Вы не первые и, к моему искреннему сожалению, не последние родители, находящиеся в состоянии шока от того, что я говорю вам сейчас. Это нелегко принять, но, как вы заметили ранее, уверенно поставить диагноз я смогу только по истечении этих трёх месяцев. Это ваш ребёнок, я не могу принуждать вас к чему-либо, но ему потом жить, и проблем будет хватать и без того, почему не облегчить одну из них прямо сейчас и спать спокойно в будущем?

Мы не знали, что ответить. Травить ребёнка химией в таком раннем возрасте, конечно, нехорошо, но выбор был невелик, и пока весы склонялись больше в сторону курса терапии.

– Мы согласны, – едва слышно сказала Лиза, смотря на свои колени, затянутые в леггинсы синего цвета, которые были так популярны в начале девяностых годов.

– Хорошо, – Шистов улыбнулся с видом солдата, выполнившего свою миссию. – Вот вам рецепт, тут перечень препаратов и дозировка на три месяца. Если что-то случится – приступ или ещё что, сразу же обращайтесь ко мне, поскольку после такой серьёзной кровопотери очень важно, чтобы эмоциональное и физическое состояние оставались стабильными, поменьше стрессов.

– Кровопотеря? – Лиза удивлённо посмотрела на меня.

– Я потом тебе расскажу, – полушёпотом ответил я.

– Доктор, сейчас с Олегом всё хорошо? – спросила Лиза.

– Да, несомненно, – кивнув головой, ответил он.

В кабинет кто-то постучал.

– Войдите, – раздражённо ответил врач, закрывая историю болезни, тем самым давая понять, что консультация окончена.

– Вас там ждут на обход, – немного испуганно пролепетала медсестра, тут же закрывая за собой дверь.

– Ну вот, значит, договорились. – Он встал и прошёл к выходу из кабинета, по дороге пожав мне руку.

– До свидания, – дружно ответили мы с Лизой и, последовав за ним, вышли из кабинета.

Пока мы шли по длинному больничному коридору, моя жена не проронила ни слова. Я знал, что это значит, и не знал, с чего начать. Утаив от неё детали несчастья, случившегося с Олегом, теперь я должен был всё рассказать, но крошечный король лжи вдруг расправил свои тоненькие

согбенные плечики и, гордо выпрямившись на своём огромном троне, пропищал: «Нет!».

Его писк я остановил нажатием кнопки первого этажа в лифте. Двери шумно захлопнулись, и мы оказались вдвоём, увильнуть от разговора с Лизой под предлогом присутствия посторонних не было никакой возможности.

– Солнышко, – начал было я.

– Расскажи всё, как было, – едва слышно, но уверенно сказала она, пристально глядя мне в глаза.

Своим взглядом она упрекала меня. Когда ваша супруга так смотрит на вас, то вы чувствуете себя виновным во всех несчастях мира сего. И тем более, это известно издревле, между матерью и сыном складываются особые отношения, в которых мужу иногда нет места.

– Олегу сделали переливание крови. Когда он упал, он ударился головой о бордюр тротуара.

Не головой, а виском, мысленно поправил меня шут короля лжи, который являл собой, судя по всему, олицетворение правды. Он прятался за тронем, и когда король лжи начинал вещать, как сейчас, то шут тихо нашёптывал мне то, что случилось на самом деле, не давая забыть, каким говнюком я являюсь сейчас, продолжая утаивать всю правду от жены.

– У него была большая кровопотеря (он был мёртв – опять этот тихий противный шёпот), я отвёз его в больницу и там ему сделали переливание крови. (Ему влили Его кровь, может, это дьявольская кровь, ты ни разу не спрашивал себя?) –

Но теперь всё хорошо, – приблизившись к Лизе, я обнял её за плечи и прижал к себе.

Звук рвотных судорог раздался за тронем короля лжи, он брезгливо заглянул за высокую спинку трона: рвало его шу-та. Победоносно улыбнувшись шуту, он устроился как мож-но удобнее и, казалось, даже немного подрос, став менее несуразным, чем раньше.

Он рос по мере того, как рос мой ком лжи. Подобно доб-рокачественной опухоли, которая, пока не перерастёт в зло-качественную, никому не приносит вреда.

Заехав по пути в аптеку, мы купили все лекарства, ко-торые были выписаны доктором Шистовым. Олег остался сидеть в машине на заднем сиденье, приглядывая за своей младшей сестрёнкой, которая мирно спала в автокресле.

– Пятьсот рублей, – худая как жердь и неприятная, как дверь тюрьмы, сказала кассирша.

Я растерянно достал свой кошелёк. Всё, что там остава-лось, это восемьсот рублей, и оставшихся трёхсот никогда бы не хватило до конца месяца на еду.

– А нет таких же лекарств, но подешевле? Заменитель ка-койнибудь, – спросил я, неловко отводя глаза. Отец, кото-рый пытается сэкономить на здоровье своего сына, смотрит-ся не очень героически.

– Гражданин, или платите, или уступите очередь дру-гим, – тоном, отсекающим пререкания, ответила жердь.

– Хорошо, – я достал злополучную пятисотку и передал

её кассирше.

Мы вышли из аптеки, держа большую пластиковую авоську, доверху набитую коробками с таблетками. По дороге к машине Лиза спросила меня:

– Если не хватает денег, может, я займу у папы?

– Нет, я попытаюсь что-нибудь придумать, – выпалил я. – Не переживай, всё образуется.

Последним делом было занимать денег у моего тестя. Он был владельцем крупной фирмы по производству пробок для алкогольной продукции, и изначально наш брак не радовал его. Богатенькая девочка из обеспеченной семьи вдруг выходит замуж за охранника его мини-заводика. Охранником был я, это было первым приработком до опубликования моей книги «number one». Книга вышла, как только мы поженились, и неплохо продавалась. Окрылённые первым успехом, мы укатили в отпуск, и там, в Болгарии, в наш медовый месяц, зачали нашего первенца. Если у тестя ещё и были какие-то надежды на наш скорый развод, то после известия о беременности Лизы, надеяться ему было не на что. Конечно, во многих парах дети мало что меняли, иногда даже дети, зачатые и рождённые с целью укрепления семьи, становились причинами разлада. Но это не про нашу семью. Бывает, что твоя вторая половина даётся тебе кем-то свыше. Банальная и избитая фраза, но как нельзя подходящая для нас. Больше чем уверен, у вас бывало такое, что как только вы хотите что-то сказать, или о чём-то подумали, как тот, кто

вам дорог, сказал то, о чём вы думали. Нет, мы далеки от телепатии, но наше общее с Лизой духовное Я было квинтэссенцией чего-то большего, чем любовь. Да, конечно, вы ухмыляетесь, вспоминая, как несколько страниц ранее я признался, что грешен и изменял своей жене, как же при наличии такого высокого уровня отношений можно обманывать ту, которая является твоей второй половинкой?

Бывает, хочется съесть ложку чёрной икры, но обязательно с хлебом. И хлеб мы едим постоянно три раза в день. Лиза мой хлеб. Тот хлеб, который дал Иисус, когда нечего было есть, она то святое, что есть во мне. Та часть света, которая, несмотря ни на что, пробивается сквозь тьму моих страхов и опасений. Изменяла ли она мне? Я недостойн задавать ей этот вопрос. Она поймёт многое из этой книги, скорее не книги, а исповеди. Думая бо всём, что произошло, мне стыдно наводить тень на моего ангела.

Извини, я не хотел запачкать твои белоснежные крылья моей грязью.

Грязь, её вы хлебнёте немало, мои обожаемые читатели. Мне хочется вылить на вас чан этой зловонной кучи, которая гниёт где-то на задворках моего мозга, куча отбросов, собранная вами, каждым вашим рублём, заплаченным за мои книги, вы забрасывали ещё больше мусора в мой бак, и этот бак станет моей могилой, я знаю это заранее, потому что за всё приходится платить, и моё время расчёта пришло.

Мы приехали домой под вечер, и Лиза терпеливо стала

объяснять Олежке, что обязательно нужно выпить таблетки. На вопрос Олега, зачем их надо пить, она придумала, что это нужно, чтобы не болела голова после сотрясения мозга.

Когда мой сын положил первую таблетку в свой небольшой очаровательный детский ротик, я проклял всё на свете. Словно зная, что за этой первой таблеткой последуют многие другие, некая зависимость, от которой невозможно избавиться.

Чувство вины снедало меня, я вышел на балкон и, закрыв дверь в зал нашей скромной двухкомнатной хрущобы, дрожащими руками открыл шкаф, в котором хранились консервы. Протянув руку, нащупал пачку сигарет, спрятанную два года назад, когда я дал обещание Лизе бросить курить.

В пачке оставалось всего три сигареты и, боже, как они были прекрасны. Ни одна другая сигарета, а я курю уже 10 лет, не сравнится с той, вкус которой я желал. Возможно, некоторые из вас победили в так называемой борьбе с курением, устроенной средствами массовой информации, государствами, ВОЗ и так далее. Да только вот я задаю себе вопрос, может, он будет интересен и вам: если мы сравним количество умерших от курения и количество умерших от войн, невинных жертв, убитых из стрелкового оружия? Разница будет ошеломляющей. Но, как ни странно, никто не ведёт пропаганду о вреде ношения огнестрельного оружия и того, что одна лишь пуля может быть смертельно опасна. Пока ещё никто не умер от одной сигареты. В край-

нем случае, ваш любимый писатель выкурил не одну сотню, и не принимайте это за пропаганду курения, нет. Это личный опыт и некоторые наблюдения, которые очевидны для меня.

Докуривая первую из трёх оставшихся сигарет, я достал свой кошелёк из кармана и посмотрел на те жалкие триста рублей, что остались в нём, и на которые просто невозможно было дотянуть до конца месяца. Одни только памперсы, недавно появившиеся в то время на базарах и в магазинах, стоили бешеных денег.

Глухой шум новеньких шин, тормозящих по асфальту, привлёк моё внимание. Это был только что сошедший с конвейера автомобиль марки BMW, красивого золотистого цвета шампанского. Хозяин авто не спешил выходить, оставаясь сидеть в своём, несомненно комфортном, водительском кресле. Почему он так заинтересовал меня? Не знаю. На тот момент не знал.

Даже мой обожаемый в кавычках сосед подошёл поближе к машине, критически осматривая её, пытаясь найти хоть какой-то недостаток, которых не было. Потом, вскинув голову вверх, он заметил меня, с сигаретой в руке, которую я тут же постарался затушить, и собрался было зайти в квартиру, но было поздно.

– Эй, привет, ну как? Родил? – насмешливый тон выводил меня из себя. Почему сигарета не может выстрелить? Всего один лишь выстрел, и ты, сделав затяжку, выдохнешь из своего горла душу этого надменного подонка, с удовольствием

смотря, как она растворяется в ночном воздухе.

– Да, всё хорошо, спасибо, – с натянутой улыбкой ответил я.

– Как назвали?

– София.

– Что за имя такое? Чё не Ира? Или там Света?

– Ну, нам это имя очень понравилось, – мне стало как-то неловко от его природной наглости.

– Ладно, на крестины позовёшь?

«Да скорее на вечеринку в ад», – подумал я, но потом вдруг понял, что разрешение финансовых проблем оказалось в кошельке нашего обожаемого Славы, нашего соседа. Занять у него денег. До конца месяца. А потом, к тридцатому августа, верну, но откуда? Замкнутый круг. Хотя... Ведь Слава может стать крёстным Софии и тогда деньги можно будет вернуть не сразу, почти второй папа может и подождать. Хотя такого крёстного папу я не пожелал бы и врагу.

Выкинув окурок через балкон, я молча кивнул Славе, что означало, что, конечно же, он будет приглашён, и сел на табуретку, чтобы казаться невидимым для внешнего мира, скрывшись за стенкой балкона. Мобильный в кармане завибрировал, давая понять о прибытии очередной смс. Нехотя я прочитал её, это было сообщение от моего лучшего друга, который спрашивал, всё ли хорошо прошло, и когда он сможет видеть новорожденную.

Занять денег у него не было никакой возможности, по-

сколькy он сам был безработным и уже не раз становился моим должником. Автоматическим движением я удалял все старые сообщения из папки «Входящие», пока не наткнулся на сообщение моего будущего редактора, который пропал. Внимательно посмотрев на номер, с которого была выслана смс, я нажал на кнопку вызова.

Прошло несколько мгновений, прежде чем любезный автоответчик женским голосом известил меня, что данный номер не существует. Подумав, что ошибся, я набрал номер ещё раз, в этот раз вручную, но получил тот же ответ. «Как было бы хорошо, если бы ты появился, чёрт с тобой, я напишу книгу, которую ты заказал, только позвони мне». Контракт, подписанный мной в двух экземплярах, остался у директора издательства, поэтому у меня не было ни адреса, ни телефона офиса. Я даже не спросил его имени, и только лишь смог припомнить, как он выглядит.

Ситуация казалась безвыходной, и единственный выход из неё был либо признаться Лизе, что денег до конца месяца не хватит и тем самым признать себя лузером, либо попытаться всё-таки разыскать моего таинственного издателя и попросить задаток за ещё ненаписанную книгу. Чувство мужского достоинства и трусость не позволяли мне признаться в финансовом крахе, из-за низкого уровня продаж моих книг, которые переставали интересовать читателей, ни одна из трёх последующих не смогла сравниться по уровню популярности с первой книгой.

«Возвращение из бездны», так она называлась, была написана от отчаяния и безысходности. Моя мать болела раком третьей стадии, нужны были лекарства, которые стоили бешеных денег, я работал где мог, и ночами подрабатывал на том самом заводике моего будущего тестя. Жизнь на тот момент была похожа на американские горки, в один день казалось, всё идёт хорошо, в другой непременно случалось что-то плохое, сводившее на нет позитив вчерашнего дня.

Чтобы отвлечься от всего этого и не сойти с ума от бессонницы и усталости, ночами я стал писать, сюжет пришёл сам собой, почерпнутый из загадок истории человечества. Их было много, и, составив одну детективную линию, в которой участвовали два главных героя, стремящиеся найти разгадки этих тайн, я получил неплохой коммерческий салат, как я это понимаю теперь. Тем не менее, мой «салат» пришёлся по вкусу миллионам русских читателей и стал номером один по продажам в 1994 году.

Всё гениальное просто, и, продолжая штамповать детективы, которые развивались достаточно стремительно, я пошёл по проторенной мной дорожке, то есть: у главных героев всегда очень мало времени, чтобы разгадать убийство, произошедшее при мистических обстоятельствах; множество исторических тайн, которые я подаю на свой вкус, думая о тех, кто никогда не держал в руках учебник истории, и которые восторженно делятся друг с другом:

– Ты представляешь, а я-то не знал, что в 10 веке могло

быть такое!

На самом деле в десятом веке ничего такого мистического не происходило, просто так здорово передёргивать скучные моменты истории и превращать их в красивые сказки для взрослых. О телевидение, благодарю тебя, ты специалист по ежедневной массовой лоботомизации миллионов мозгов, ты сделало возможным успешную продажу моего первого бестселлера. Ибо любой здравомыслящий человек, прочитав несколько страниц моих первых книг, сразу поймёт, какая отменная хрень там написана.

Но я одинок в пустыне под названием мудрость и пока что наслаждаюсь своим одиночеством, хотя мой банковский счёт на данный момент составляет мне классную компанию, миллионы друзей в виде банковских банкнот и копеек. Кто из вас не мечтал о наличии подобного рода корешей, любой из Facebook или ВКонтакте обзавидовался бы.

Увы, всё это мне было неизвестно в момент, когда я начал. Приличный гонорар, который я получил за издание первой книги, мы истратили на покупку двухкомнатной хрущобы и не новой «копейки», всё это было куплено до момента дефолта в России. На счёте в банке оставалась ещё крупная сумма, на которую мы решили построить дом. Но в один миг все мои сбережения мгновенно похудели и почти испарились, так же как и мечты о большом уютном доме, новой машине, каникулах за границей. Это коснулось каждого среднестатистического жителя России, я был не исключение.

Суммы дальнейших гонораров за издание книг, которые были напечатаны после дефолта, с трудом хватало, чтобы прожить нормально около шести месяцев. И вот остатки последнего гонорара были истрачены на лекарства. Остались сущие гроши... Я отчаянно пытался вспомнить, о чём был контракт, подписанный недавно с незнакомцем, какие-то реквизиты, возможно указанные на нём... Нет. Бесполезно. Пожалуй, самым лучшим вариантом представлялось пойти в больницу и спросить данные донора моего сына, там-то уж обязаны регистрировать всех, кто сдает кровь.

Выйдя с балкона, я тихо прикрыл дверь в зал и заглянул на кухню. Лиза была занята приготовлением ужина, Олег что-то разукрашивал, сидя за кухонным столом, а София тихо посапывала в своей кроватке. Быстро нацарапав простым карандашом на клочке бумаги записку о том, что скоро вернусь домой, я вышел в подъезд и стал спускаться по лестницам. На первом этаже прохлада вечернего воздуха мягко окутала меня, я глубоко вздохнул, наполняя лёгкие свежим воздухом.

Глава четвёртая

У крыльца, как всегда, сидели местные бабульки, местное радио сплетен, они всегда всё знали обо всех. Такие есть возле каждого подъезда, если только вы не живёте в частном доме, как я сейчас. Наверное, ФСБ не там набирает своих секретных агентов, вот кто догадается, что такая вот бабулька может работать на государственные службы? Никто. А сколько пользы бы принесла!

– Можно поздравить тебя, – скрипучим от старости голосом сказала Татьяна Сергеевна, – как дочулька?

– Да, спасибо, всё хорошо.

– А что же не показал мне? Или на улицу не выходите?

– Врач пока ещё не разрешил, но через недельку уже будем гулять.

– Скорей бы, а на кого похожа?

– Пока непонятно, мне кажется, что на Лизу, – ответил я, отходя от злополучной лавки с бабулями, которые не собирались меня отпускать, донимая своими расспросами.

– Куда спешишь-то? – настороженно спросила Полина Георгиевна, она была подругой по сплетням с Татьяной Сергеевной и каждая поочередно несла свою сторожевую вахту на лавке – или с утра до обеда, или с обеда до вечера. Но сегодня вечером мне повезло, их было двое.

– Памперсы куплю, – торопливо ответил я и зашагал

прочь.

Сделав пару шагов, я приблизился к той самой красивой новенькой машине BMW. Подойдя к ней поближе, я увидел затемнённые стёкла, от шин исходил запах не изъезженной резины, всё в этой машине кричало, что она только что выехала из автосалона. Вспомнив про мою раздолбанную «копейку», которая пылилась в металлической ракушке, стало не по себе. Да, я завидовал. Возможно, надеясь на чудо, или от безысходности я вытащил телефон и опять набрал номер, с которого мой издатель прислал одну единственную смс.

На том конце провода, к моему великому удивлению, перестал отвечать автоответчик, и раздались долгожданные гудки. Один, другой, минута, две, никто не отвечал. Но где-то рядом раздавался звонок телефона, мобильного телефона. Наверное, совпадение, подумал я. И тут дверь BMW открылась и из неё вышел небольшого роста мужчина, полный, его жиденькие тёмные волосы были стянуты в тонюсенькую хилую косичку, широкий и плоский нос несуразно выделялся на одутловатом загорелом лице. Он был одет в лёгкие летние брюки серого цвета и такого же цвета рубашку. Свои глаза он прятал за солнечными очками цвета меди.

– Вас ждут, – сказал он мне и открыл вторую дверь машины со стороны заднего сиденья.

– Извините, вы ко мне обращаетесь? – недоумённо спросил я.

Ответом мне послужил мобильный, продолжавший зво-

нить в глубине салона автомобиля, и тогда я понял, кто меня ждёт. Волна радости и облегчения почему-то захлестнула меня, и, не заставляя себя долго уговаривать, я забрался в машину. Последнее, что я увидел, когда толстячок закрыл за мной дверь, были округлённые от удивления глаза наших сплетниц.

Он, мой заказчик книги ужасов, сидел рядом со мной на заднем сиденье из мягкой кожи молочного цвета, внешне был расслаблен и даже выглядел немного уставшим, о чём свидетельствовали тёмные круги под глазами на и так достаточно бледном лице.

Небесно-голубые глаза казались почти бесцветными... выцветшими... мёртвыми. Он ничего не сказал, а я не знал, с чего начать. Несколько секунд спустя до меня дошло, что я забыл закончить вызов абонента, в данном случае это был мой будущий редактор, и его телефон по-прежнему звонил. Не сводя с меня глаз, он медленно вытащил телефон из кармана чёрных брюк. Он был одет во всё чёрное, чёрная шелковая рубашка была растёгнута почти до пояса, обнажая достаточно хрупкую грудную клетку, на которой не виднелось ни одного волоска, цвет его кожи казался таким же, как кожа сиденья машины, что создавало необычный и ужасающий эффект. Он выделился из кожаной обивки сиденья этой машины, чтобы затем раствориться в ней вновь.

– Алло? – ответил он, приставляя телефон к уху. При этом не отрывая от меня своего взгляда ни на секунду.

Спохватившись, я тут же выключил звонок вызова, мои ладони намокли от страха за те несколько минут, что я находился в этом загадочном автомобиле.

– Извините, я забыл выключить звонок вызова.

– А ты меня вызывал?

Смущённо я отвёл глаза и ответил:

– Но вы же ответили на мой звонок.

– Я всегда там, где меня ждут, – прошептал он, наклоняясь близко к моему уху, – когда не остаётся ничего, кроме как надеяться на дьявола, – и рассмеялся удивительно низким для его хрупкой комплекции голосом. Из его широко растянутого улыбкой рта стал исходить пар, как если бы дело происходило зимой, но все это было в августе, на улице стояла жара +30° С.

Запах серы коснулся моих ноздрей, а заказчик всё продолжал смеяться, его язык стал тонким, почти змеиным, и на глазах стал удлиняться, приближаясь ко мне.

– Нет, – закричал я, пытаюсь открыть ручку двери BMW, чтобы выйти, но, как назло, раздался негромкий щелчок, и все двери машины оказались закрытыми. Тот, кого я так ждал, перестал смеяться и его лицо разом превратилось в маску, олицетворяющую зло. Губы твёрдо сжались в одну ровную линию, глаза, прищурившись, налились кровью так, что даже не стало видно неестественно голубого цвета радужки.

– Тебе страшно?

– Да, – не скрывая, ответил я.

– Так же страшно, как тогда, когда умирал Олег?

– Нет, это другой страх...

– Жизнь боишься потерять?

Вопрос был в точку. Всегда кажется, что если нужно отдать жизнь для близкого тебе человека, ты охотно это сделаешь, ты должен это сделать под оценивающим взглядом сообщества, в котором ты живёшь, оно одобрит твой жест, да только вот тебе будет уже наплевать, лёжа на глубине метра под землёй, на то, что ты герой и ценой собственной шкуры спас другую жизнь. Но здесь и сейчас моя жизнь принадлежала только мне и отдавать её было некому.

– Наверное, – неуверенно ответил я, – это первобытный страх.

– Правильно, всё идёт из древности, из начала начал, когда тот дурак решил, что будет властвовать над всем, по праву первоздания. Я подпортил ему карты, и буду продолжать это делать, пока существует ОН, буду существовать и Я. Тень всегда идёт за своим хозяином, но тень – это дитя тьмы, а во тьме рождается двигающая сила. Это страх.

Запомни, что ты чувствуешь сейчас, и передай это в твоём писании, – он максимально приблизился к моему лицу, и его глаза, по-прежнему затянутые красной пеленой, впились в мои, тёмно-серые.

Моё тело стало леденеть, желудок превратился в один ноющий комок нервов, сердце ускорило свой ритм, возник-

ло нестерпимое желание облегчить мочевого пузырь, казавшийся переполненным. Перед моим глазами стали метаться красные точки, сливаясь в забавные узоры, постепенно обретавшие человеческие формы. Красный оттенок стал меркнуть, и цвета картинки становились всё ярче, позволяя мне увидеть то, что происходило в те времена, над которыми я измывался в своих книгах, передёргивая факты истории. Века неслись за тысячелетиями, давно вымершие нации возникали и тут же исчезали, покушения на политических лидеров разных эпох, войны, эпидемии. И везде на заднем плане мелькал Он. Вот он, одетый в эсера, даёт пистолет Фанни Каплан, вот носильщик трупов в Испании во время эпидемии бубонной чумы. Инквизитор с небесно-голубыми невинными глазами младенца, отрезающий язык еретику, подставляя свой рот под фонтан крови, вырывающийся из того места, где прежде был язык. Он сидит рядом с Гитлером, указывая пальцем на Россию, нарисованную на карте. И с каждой такой картинкой чувство страха усиливалось.

Вифлеем. Незаметный человек в толпе, с широкой улыбкой наблюдающий за Христом, несущим свой крест. Он же, дающий несколько золотых монет женщине, которую зовут Мария. Мария Магдалена? Я пытался вырваться из этого визуального плена, но он прошептал, сжимая рукой моё плечо почти до кости:

– Нет, ты ещё не всё увидел.

– Я не выдержу, не хочу, – мой мозг отказывался принять

увиденное.

– Ты выдержишь всю мою боль, радость, злость, ненависть, удовлетворение. Ты нужен МНЕ, пока Я хочу этого.

И я увидел сияние. Просто образ, излучающий свет, наполняющий меня внезапным спокойствием, счастьем и любовью. Мне хотелось к этому загадочному свету, он был нужен мне в ужасе этих нескольких минут, которые я никогда не переживал прежде. Внезапно всё прекратилось, как будто чёрный тяжёлый занавес опустился перед глазами, и через открытую дверь машину лился дневной свет, не вечерний, а дневной.

Нехотя моргая глазами, я растерянно смотрел на своего спутника и его шофёра, на жару, внезапно наполнившую салон автомобиля, она шла с улицы и была неестественно удушающей для российского климата. Шофёр вышел из машины, на ходу расправляя свои брюки, словно отряхивая их от песка. Он дал мне руку, чтобы помочь выйти из машины. Страх говорил мне «нет». Но ОН сидел за моей спиной и ждал, когда я выйду. Опустив глаза и глубоко вздохнув, я вышел из машины и мои летние кожаные сандалии тут же наполнились песком, который мягко засасывал мои ступни. Это была пустыня. Ветер, словно огнедышащий дракон, жёг лицо, солнце слепило глаза, оно было повсюду, ни малейшего намёка на тень, лучи жгли кожу, мне казалось, что даже курице в духовке должно быть не так жарко.

– Иди за мной, – фраза прозвучала как приказ, как удар

плетью по рабу, который не имеет права не повиноваться.

От неожиданности произнесённого я подпрыгнул, поскольку это был голос моего чёртова издателя, но когда я видел его в последний раз, он был сзади, а тут он стоял передо мной. Моргнув от удивления, я увидел его уже не рядом с собой, а на вершине песочной дюны, в 100 метрах от меня. Долго и мучительно я шёл к этой дюне. Полненький шофёр уже не находился рядом с машиной, но тенью следовал за редактором, они о чём-то тихо переговаривались, и от чего-то иногда он заливался тоненьким раскатистым смехом, напоминающим временами мяуканье кота. Оказавшись у основания дюны, я пытался залезть на вершину, но каждый раз падал вниз, подобно мешку с картошкой. Отчего кото-шофёр, я его буду называть теперь так, смеялся ещё больше, наверное, для него я был подобием мышки, с которой он собирался поиграть.

Из всей силы прищурился, я подумал, что всё это сон, сейчас я проснусь, как тогда в роддоме с Лизой, но порыв ветра бросил песок мне в лицо, и пронзающая резкая боль в запястье, именно там, где остались следы от когтей той ужасной руки, тянущей меня неведомо куда, заставила меня закричать.

– Ну вот ты и добрался, – одобрительно произнёс мой редактор.

Причина боли в руке тут же исчезла, когда он отнял свою руку от моей и несколько капель крови упали на раскалён-

ный песок и тут же испарились, оставив всего лишь два крошечных коричневых пятнышка.

Через несколько секунд эти коричневые высохшие на песке капли на моих глазах превратились в два крошечных семечка, из которых с невероятной скоростью стало расти дерево. По мере того как оно достигло двух метров, мне стало ясно, что это осина. То ли от ветра, то ли от магической силы редактора одна из веток стала немного клониться к земле и, подобно миражу, на ней появился висельник. Ветхая старая верёвка раскачивалась во все стороны с телом покойника, напоминая дьявольский маятник. Повешенный был повернут от меня лицом, и я не видел, кто это.

– О, мой добрый друг, – с любезной вежливостью произнёс редактор, – представьтесь нам, пожалуйста, чтобы мой Апостол смог видеть вас.

Верёвка тут же повернулась по своей оси. Увидев того, кто был повешен, я закричал от невозможности увиденного.

Повешенный был Иудой Искаротским. Треугольное измождённое лицо, впалые щёки, тонкие усы и короткая борода, обрамляющая лицо, делали его похожим на мучеников, распятых на кресте, только свою казнь Иуда выбрал сам. Мертвецки белая бледно-голубая кожа, расплзающийся балахон, подпоясанный верёвкой, создавали ощущение, что он повесился всего лишь пару минут назад. Я не заметил ни одного признака разложения тела.

– Иуда, – внезапно произнёс он сломанным голосом, от-

кашливаясь и смотря на меня. Взгляд его чёрных глаз останется со мной навсегда. Такого отчаяния и боли мне не доводилось видеть. Не думайте, что я хочу сказать о том, что, возможно, Иуда раскаивается там, где он сейчас, нет. Но этот взгляд пробудил во мне чувство жалости, которое никогда не должно было появляться к такому персонажу, поскольку я являюсь православным, и доктрина, навязанная мне с малых лет, так же как и миллионам из вас, оставляет след в восприятии религии. Её тебе выжигают каплями святой воды в первые моменты твоей жизни и закрепляют теми же каплями во время твоего последнего причастия. Заметьте, не особо интересуясь нашим мнением. Ну да ладно, всегда что-то решается за нас, вероятно, таково течение жизненного русла.

– Ну, что же ты молчишь? – промурлыкал мне на ухо кто-то-шофёр, щекоча своими усами.

– Я... я рад видеть вас, – полный идиотизм, пришедший мне в голову, но лучшего пока я не нашёл.

– Вот видишь, я же говорил, что найду своего Апостола, – улыбаясь, редактор подошёл к повешенному Иуде и ногтем пощекотал его за пятку. Тот мучительно захрипел, будучи не в силах сделать что-либо, и только двигал головой в разные стороны, пытаясь освободиться от верёвки.

– Ну, ну, ладно, знаю, ты боишься щекотки, – перестав щекотать ступню Иуды, мой редактор одним лёгким прыжком оказался сидящим на ветке, на которой покачивался Иуда.

– Теперь, когда ты сказал, кто ты, может, скажешь нашему

другу моё имя, – лукаво улыбнувшись, он склонил голову набок и стал почти очаровашкой, в глазах мерцала насмешка, чёрная рубашка развевалась на ветру, чем-то напоминая подобие крыльев чёрного цвета, волосы стали длиннее и пышными волнами струились по плечам, думаю, что он соблазнил немало женщин такой вот улыбочкой. Но, к сожалению или к счастью, я не гомосексуалист, и на меня это произвело скорее обратный эффект.

Иуда поднял голову, при каждом движении верёвка стягивала его горло всё сильнее, и там, где она касалась кожи, виднелся широкий тёмный след.

– Люцифер, – прохрипел он и внезапно дерзко улыбнулся мне, перечёркивая всё то впечатление жалости, что он вызвал во мне ранее.

– Да будет свет! – расхохотался мой заказчик, сидящий на ветке осины, и тут же жаркое беспощадное солнце исчезло и всё вокруг накрыла темнота. Пока мои глаза привыкали к резкой смене света и тени, мне показалось, что стало прохладнее, это была живительная прохлада, успокаивающая, когда летним вечером ложишься на прохладные простыни, ты знаешь, что рабочий день закончен и всё, что от тебя требуется, это расслабиться и отдохнуть. Но расслабляться было рано.

Дерево по-прежнему стояло передо мной, только в этот раз оно было освещено ярким и холодным светом луны. Иуда по-прежнему раскачивался на своей верёвке из сто-

роны в сторону, отсчитывая минуты бесконечности. Только Он, сидящий на ветке, изменился. Длинные волосы из тёмных стали подобными цвету выцветшего засушенного сена на лугу, он стал выше ростом, почти под три метра, хрупкое телосложение пропало, на смену ему пришло тело, совершенное в своих пропорциях, линиях и изгибах. Они угадывались под просторным белым одеянием, спускающимся до его ступней.

Внезапно тень накрыла лунный свет, это был Люцифер, он расправил свои крылья, они оказались белоснежными и при отсвете луны серебрились неведомым светом.

– Извини, у каждого своё понятие о свете, для меня лунный свет предпочтительней. Ведь это я, Несущий Свет. Просвещение в массы, так сказать, – опять расхохотался он. – Ах, если бы не я, где бы сейчас оказалось всё человечество? Я – это прогресс, развитие цивилизаций, без меня бы сидели и плодились как кролики в саду райском, под зорким оком Главного Охотника. Ты знаешь, кто это?

– Нет.

– Догадайся.

– Бог?

– Он самый. Не люблю произносить его имя. Ну да историю наших отношений, я думаю, ты знаешь. А всего-то просто-напросто я захотел расставить силки, чтобы поохотиться в саду Эдемском, ну и получилось у меня лучше, чем у него. Подумаешь, увёл его добычу, так нет, задетое самолюбие тя-

жело лечится, – он театрально вздохнул, – можно сказать, неизлечимо. Но тебе самолюбие до лампочки, как я вижу, это одна из причин, почему я выбрал тебя.

Как тебе уже стало понятно, ты будешь писать книги, наполненные страхом от первой и до последней страницы. Сердцем твоих книг буду я. У Охотника есть Библия, у меня будут твои книги. Я буду вещать через них. Отныне ты мой Апостол. В каждой книге будет откровение от Люцифера, конечно, замаскированное под обыденный сюжет. Время финала приближается, и нет причин, по которым у Охотника будет больше сторонников, чем у меня. Я за равенство сил, что и стало, собственно, причиной разлада между мной и ним.

– Гонорар, вы забыли гонорар, – прошипел откуда-то из темноты знакомый голос, но, как я ни старался, никак не смог вспомнить, кто это, пока округлый невысокий силуэт вышел из тьмы. Это был кото-шофёр.

– Ах да, конечно, как я мог забыть про такую важную деталь, – подойдя вплотную к повешенному Иуде, он сделал мне знак рукой подойти к нему. По мере того как я приближался к осине с висящим на ней Иудой, отвратительный запах разложения наполнил мои ноздри. Но я продолжал свой путь, это была моя последняя Голгофа, и последняя цель назначения была неизбежной. Под ярким светом луны, так хорошо контрастирующим с чернотой ночи, выделялись три силуэта: Люцифер, Иуда и я.

– Твой первый гонорар у него в кармане, – сказал он, смотря на Иуду, в эту секунду профиль Люцифера, если можно так сказать, был божественным. – В каждом ангеле есть часть Бога, даже в падшем. Как в каждом из нас есть хорошая половина и есть плохая и иногда мы так любим играть контрастами, что не способны выбирать полутона, теперешний народ либо зол, либо хорош. Но он не может быть нормален, соблюдая столь ценную золотую середину. Всё или ничего.

Всё моё было совсем рядом передо мной, оно болталось на верёвке, которая, казалось, вот-вот сорвётся с ветки, жутко воняло и растерянно смотрело на меня.

– Ну, ну, не жадничай, у тебя их тридцать, отдай один моему апостолу.

Тот, немного замешкавшись, вслепую шаря рукой в своём кармане, достал что-то и протянул мне. Я не заставил себя ждать и подставил свою руку под закрытый кулак Иуды. Когда тот раскрылся, на мою ладонь упала старинная серебряная монета. Коснувшись моей кожи, она начала жечь как кусочек угля, который только что вытащили из камина.

Поняв, что это был один из тех тридцати сребреников, за которые Иуда предал Христа, я попытался выкинуть эту монету, но она прочно впечаталась в мою кожу и продолжала обжигать, как если бы на мне ставили клеймо.

Клеймо предателя?

– Нет, ты не предатель, – прошевелил пересохшими и растрескавшимися тонкими губами Иуда. – Ты такой, как

МЫ. – И тут из его рта вывалилась волна червей и личинок, падающих на меня, за спиной раздался мяукающий смех ко-то-шофёра и аплодисменты Люцифера.

– Добро пожаловать в Адскую команду, – продолжая смеяться, ответил Люцифер, – или в команду Несущих Свет. Думаю, это тебе больше понравится.

Я отошёл от Иуды, брезгливо стряхивая с себя всю ту мерзостную массу, что он на меня обрушил, и решительно попытался швырнуть проклятую монету на землю, но она была словно припаяна к моей ладони. Тогда этой же ладонью я взялся за крестик, висевший у меня на шее, и начала читать Отче Наш, закрыв глаза.

– Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, – едва слышно шептал я.

– А вот это мы ещё посмотрим, – голос Люцифера прозвучал прямо над моим ухом.

Он стоял, возвышаясь надо мной с высоты своего роста, и его крылья сжали меня в ловушку, на данный момент в темноте были только я и он. Две клетки, дающие жизнь чему-то новому. Станет это новое ужасным или прекрасным, не мне судить. Но в какой-то момент я почувствовал своё превосходство над ним, я был ему нужен, как он сам выразился, и пока он не получит от меня того, чего ждёт, я мог противостоять ему. («Но только не сейчас», – тихо прошептал шут правды, по-прежнему прячущийся за тронном лжеца.)

Нет, конечно, не сейчас.

– Встав на мою сторону, сторонись врага моего, ибо победа врага моего будет значить твоё поражение, смерти равносильное, – продолжал Люцифер. – Или рабом его стать хочешь? Той невинной божьей овечкой, которую он сожрёт на обед, как миллионы вас, стаду подобных, идущих за Пастухом?

Его волосы развевались на ветру, взгляд был полон дерзости и решимости, весь его вид бросал вызов всему тому, что я знал доселе. Он заставил меня усомниться во всём том, что казалось непоколебимым и должно было оставаться таким, до того как я встретил Его.

– Ты возьмёшь эти деньги, это то, что соединит нас навсегда. – Его крылья раскрылись, выпуская меня из тесной ловушки, и, широко расправив их, он сделал крутой вираж в воздухе, перед тем как полностью исчезнуть в абсолютной темноте.

Я был один в ночной пустыне, освещённый светом луны: актёр, репетирующий свой монолог в пустом зале, предвкушающий то радостное предчувствие будущего успеха, который он обретёт у публики. Моё предчувствие было ужасным, я проиграл той стороне света и надежды, которые ещё теплились во мне. Раскрыв ладонь, по-прежнему крепко сжимающую проклятый сребреник, я почувствовал резкую боль. Посмотрев на ладонь, я увидел, что верхние слои кожи расплавились и почти склеились, сладковато-резкий запах горело-

го мяса окутал меня, монета вживлялась в моё тело всё глубже и глубже, становясь частицей меня. Но что удивляло, это полное отсутствие боли, если вначале боль была невыносимой, то теперь я смотрел как сторонний наблюдатель на свою ладонь, сжигаемую монетой Иуды, и в некоторой степени этот ужас зачаровывал меня. Я хотел оторваться от этого и не смотреть, но ожидание того, что произойдёт дальше, цепко удерживало моё внимание.

И тут до меня дошёл смысл сказанных Люцифером слов, я Понял, Как Нужно Писать Евангелие от Дьявола. Некоторые убийцы не останавливаются, пока не увидят кровавое месиво из своей жертвы, вы, мои читатели, не останавливаетесь, пока не прочтёте зло моих книг до конца. Он был прав, я буду играть на этой стороне человеческой природы, это несложно с того момента, когда ты понял, что притягивает читателей. Некоторые из вас сталкивались с откровением Божиим, менявшим вашу жизнь, для меня это было откровением Люцифера, показавшего путь, по которому нужно идти.

– Господи, прости меня, – закричал, я глядя на небо, глупо надеясь, что Он услышит меня.

В ответ раздалось недовольное кошачье шипение, чутьё меня не обмануло, то был кото-шофёр, только теперь он выступал в облике кота, ростом чуть больше метра семидесяти, судя по морде, это был перс, плоская морда была похожа на недовольное лицо российского бюрократа, и только глаза необычного цвета старого золота выражали проявление куда

большого ума и прожитого опыта, чем у всего министерства финансов РФ.

– Бегемот, почему ты сменил окрас? – спросил я.

– Почему ты призываешь Его?

– Это было моё прощание с Ним...

– Ах, вечно мне всё доделывать, – стоявший доселе на двух лапах, он опустился на четыре лапы и хвостом резко махнул по песку, который попал мне в глаза подобно сотне иголок, отчего я закрыл лицо руками.

Несколько мгновений спустя шум машин заставил меня вновь раскрыть глаза, я всё так же стоял перед золотистой BMW с телефоном у уха, и знакомый уже мне голос Люцифера произнёс:

– Теперь ты знаешь, как надо писать книги, я верю в Тебя. – И короткие телефонные гудки на том конце провода стали моей первой фразой следующей книги.

BMW мягко, подобно коту, заурчало мотором и, два раза моргнув фарами, звонко поклаксонало. Крупная лапа серого цвета на месте водителя помахала мне на прощание, и машина, сделав полный разворот, покинула наш двор.

Глава пятая

Придя домой, я увидел Лизу, она озабоченно смотрела на себя в зеркало, нервно теребя провод телефонной трубки, которую держала у уха.

Увидев меня, жена тут же положила трубку на базу телефона и, нервно поджав губы (она всегда так делала, когда была зла на меня), сказала:

– Я уже не знала, что думать! Полночь на дворе, а ты написал, что вернёшься через пару минут! Где ты был?

Растерявшись, поскольку я не ожидал того, что она ещё не спит, и не зная, что придумать, я сказал половину правды:

– Извини, я ходил на улицу немного подышать свежим воздухом.

– Ты врёшь, – безапелляционно заявила она. И когда ваша жена говорит такое, вы знаете, что она что-то вбила себе в голову, и иногда лучше идти по пути её мышления, то есть подтвердить то, о чём она якобы знает. Но вы же уверены, настоящую правду знаете только вы. И никто другой.

– Ты ходил купить сигареты.

Облегчённо вздохнув про себя и подумав, что мне повезло и она не знает о худшем, что случилось только что, да и кто поверил бы? Я ответил:

– Да, извини, я опять начал курить...

– Зачем? – её ладонь нежно коснулась моей щеки, погла-

живая, словно она пыталась успокоить маленького ребёнка.

– Я... я не знаю, мне нужно было успокоиться. То, что случилось с Олегом...

– Я понимаю, – грустно улыбнувшись, ответила жена, и тут же её взгляд сменился другим, полным уверенности и позитива, о да, это ты, моя любимая Лиза, вытаскивающая меня из самых дальних и тёмных уголков, называемых депрессией. – Но ты не переживай, всё будет хорошо, Олег сейчас спит, я не заметила никаких побочных действий лекарства на его организм, всё будет хорошо.

– Спасибо, любимая, – ответил я и поцеловал её, то был робкий, неуверенный, но полный признательности поцелуй.

– Пойдём, я разогрею тебе ужин. – И я покорно последовал за ней.

На кухне вкусно пахло жареной картошкой и свиными отбивными, и только сейчас, почувствовав этот аромат, я понял, насколько был голоден. Забыв даже зайти в ванную, чтобы помыть руки, я сразу взялся за вилку и нож и тут же начал разделять большой кусок хорошо прожаренного мяса, быстро отправляя в рот один кусок за другим.

Лиза сидела рядом на табуретке и наблюдала за мной. Её взгляд бы полон любви и заботы, но вдруг в нём появилась тень сомнения, тут же сменившаяся удивлением и испугом.

– Что случилось? – спросил я с полным ртом.

– Вилка.

– Что с ней? – я был раздражён и устал и мне просто хо-

телось спокойно поесть, без каких либо замечаний.

– На ней кровь...

Посмотрев на вилку, зажатую в моей руке, я увидел струйку ярко-алой крови, скользящую по стали и капающую прямо в тарелку. Испуг накатил на меня холодной волной, начиная с пальцев ног и заканчивая волосяными луковицами на голове.

– Дай я посмотрю, – она встала и быстро подошла ко мне, взяв мою руку, которая по-прежнему сжимала вилку, в свои ладони, но я быстро отдернул её.

– Нет, – я знал и боялся того, что она может увидеть на моей ладони, но Лиза оказалась проворнее и, согнув мою руку в локте, она с силой разжала обожжённую ладонь. Боль, сразу возникшая после этого, острым ножом перерезала моё сознание и на какой-то момент я отключился.

Не помню, сколько прошло времени, но очутился я на полу нашей кухни, под мою голову аккуратно была подложена подушка, и Лиза очень сосредоточенно возилась над моей ладонью.

– Где ты так обжёгся? – абсолютно спокойным тоном спросила она, дезинфицируя ватным тампоном ошметки кожи, которые больше ничему не служили.

– Это... это просто ожог? – недоверчиво спросил я, зная, что на ладони могло быть кое-что пострашнее ожога, этот проклятый сребреник.

– Да, но он очень глубокий, завтра нужно пойти к врачу.

– Может, обойдёмся без него?

– Позволь мне решать.

Лиза критически осматривала края ожога, оценивая, насколько он глубок, на какой-то момент её брови сошлись на переносице, она вздохнула и достала бинт, свёрнутый в небольшой рулончик. Отмотав нужное количество, она начала обвязывать мою обожжённую ладонь.

– А теперь расскажи мне всю правду, ты не только ходил за сигаретами, ведь так? И причина, по которой ты вышел, вовсе не Олег?

Вздохнув, я закрыл глаза и подумал, почему женщины так любят играть в сыщиков? Сопоставлять детали, искать причины, заметьте, в очень редких случаях они находят тебе оправдание, чаще всего мужа – это обвиняемые, и приговор им уже вынесен заочно. Пытаясь увести моего сыщика с верного следа, я, сделав трагическую мину, произнёс:

– Я ходил на встречу с моим новым редактором (что было правдой, крохотный шут, по-прежнему прячущийся за тронном лжеца, утвердительно кивнул головой), и потом мы зашли в ресторан отметить подписание моего нового контракта, мы ели фондю, и я хотел подвинуть кастрюльку поближе к себе, но не рассчитал, что ручка кастрюли раскалена, вначале я не обратил на это внимания, но потом ладонь стала болеть, я не сказал тебе, потому что не хотел расстраивать тебя, ты и так уже получила своё после всего, что случилось нашими детьми.

– Ты подписал новый контракт? А как же прежнее издательство?

– Я разорву с ними договор.

– Тебя что-то побудило сделать это?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.